

Книга имеет: . . . . . стр. . . . .

96

Заказ № 760 . . . . .

Примечания:

Расписка отв. за т

Тел. ГПБ 3. 746-75000.

34.84.4.283 а

Роза Люксембургъ.

A

РЕФОРМА
ИЛИ
ПЕРЕВОРОТЪ?

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРАВДА“

КИЕВЪ.

1906 г.

Т. ЛЮД. П. П. Б. 3. 746—75 000, 9

Предисловіе ¹⁾.

Заглавіе настоящаго произведенія можетъ съ перваго взгляда вызвать удивленіе. Соціальная реформа или революція? Развѣ можетъ соціаль-демократія быть *противъ* соціальной реформы? Можетъ-ли она *противопоставлять* соціальную реформу революціи, т. е. перевороту въ существующемъ строѣ—конечной цѣли соціаль-демократіи? Конечно нѣтъ. Для соціаль-демократіи будничная практическая борьба за соціальныя реформы, за улучшеніе положенія рабочаго класса на почвѣ существующаго строя, борьба за демократическія учрежденія—есть пожалуй единственное средство для руководства классовой борьбой пролетаріата, конечная цѣль которой есть введеніе диктатуры пролетаріата. Съ соціаль-демократической точки зрѣнія между соціальной реформой и соціальной революціей существуетъ неразрывная связь: борьба за соціальныя реформы является для нея *средствомъ*, а соціальный переворотъ *целью*.

Въ теоріи Эдуарда Бернштейна, какъ она изложена въ его статьяхъ „Проблемы социализма“ (Neue Zeit. 1897/98) и въ его

---

¹⁾ Предлагаемая книжка тов. Р. Люксембургъ составилась изъ статей, печатавшихся въ Leipziger Volkszeitung (Лейпцигская народная газета) въ сентябрь 1898 и апрѣль 1899 года. Ред.

КІЕВЪ.

Типографія 1-й Кіевской Артели Печатнаго Дѣла, Трехсвятительская 5.
1906.

книгъ *Voraussetzungen des Sozialismus* ¹⁾ мы впервые находим *противопоставленіе* этихъ двухъ моментовъ рабочаго движенія. Практически вся эта теорія сводится только къ совѣту отказаться отъ социальнаго переворота—конечной цѣли социаль-демократіи,—и превратить социальныя реформы изъ *средства* классовой борьбы въ ея *цѣль*. Самъ Бернштейнъ наиболѣе удачно и ясно формулировалъ свои взгляды слѣдующей фразой: „конечная цѣль, какова бы она ни была, для меня—ничто, движеніе же—все“.

Но социалистическая *конечная цѣль* является рѣшающимъ моментомъ, отличающимъ социаль-демократическое движеніе отъ буржуазной демократіи и буржуазнаго радикализма. Именно эта конечная цѣль превращаетъ все рабочее движеніе изъ бесплоднаго штопанія, предпринимаемаго для спасенія капиталистическаго строя, въ классовую борьбу *противъ* этого строя съ цѣлью его окончательнаго уничтоженія. Вотъ почему вопросъ: „социальная реформа или революція?“ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Бернштейнъ является въ то-же время для социаль-демократіи вопросомъ: быть или не быть? Поэтому при спорахъ съ Бернштейномъ и его единомышленниками всякій членъ партіи долженъ себя уяснить, что вопросъ идетъ не о той или иной формѣ борьбы, не о той или иной *тактикѣ*, а о самомъ *существованіи* социаль-демократическаго движенія.

При бѣгломъ разсмотрѣніи теоріи Бернштейна это можетъ показаться преувеличеніемъ. Развѣ Бернштейнъ не говоритъ на каждомъ шагу о социаль-демократіи и ея цѣляхъ, развѣ онъ самъ много разъ не повторяетъ ясно, что и онъ стремится къ социалистической конечной цѣли, только въ другой формѣ, и развѣ онъ не

¹⁾ Имѣются въ русскомъ переводѣ: „Очерки изъ исторіи и теоріи социализма“. С.-Пб., 1902 г. ч. 2-ая. „Voraussetzungen“ вышли въ нѣсколькихъ переводахъ между прочимъ въ изд. Знанія СПб., 1901 г. подъ заглавіемъ „Историческій материализмъ“.

Ред.

подчеркиваетъ усиленно, что почти полностью признаетъ современную практическую дѣятельность социаль-демократіи? Конечно, все это вѣрно. Но точно такъ же вѣрно и то, что съ давнихъ поръ въ развитіи теорій и въ политикѣ каждое новое направленіе вначалѣ опиралось на старыя, даже и въ томъ случаѣ, когда послѣднія по существу являлись полной противоположностью этому новому направленію. Оно сначала примѣняется къ тѣмъ формамъ, которыя застаютъ при своемъ возникновеніи, говоритъ тѣмъ языкомъ, на которомъ говорили до него, и лишь съ теченіемъ времени изъ старой оболочки появляется новый ростокъ, новое направленіе приобретаетъ собственную форму и собственный языкъ.

Ждать, что оппозиція научному социализму начнетъ съ того, что ясно и отчетливо до послѣдней мелочи опредѣлитъ свое внутреннее содержаніе, что она открыто и прямо станетъ отрицать теоретическое обоснованіе социаль-демократіи, значило бы недооцѣнивать силу научнаго социализма. Кто въ настоящее время, считаясь социалистомъ, хочетъ объявить въ то же время войну ученію Маркса, этому могучему продукту мысли нашего столѣтія, тотъ долженъ начать съ бессознательнаго преклоненія передъ этимъ ученіемъ. Онъ долженъ прежде всего признать себя послѣдователемъ этого ученія, искать въ немъ самое точку опоры для борьбы съ нимъ и эту борьбу представить только какъ дальнѣйшее развитіе ученія Маркса. Поэтому нужно, не обманываясь этими внѣшними формами, вылущить зерно, содержащееся въ теоріи Бернштейна,—это является настоятельной необходимостью для широкихъ массъ промышленнаго пролетаріата въ нашей партіи.

Нѣтъ болѣе грубаго оскорбленія рабочаго класса и худшей клеветы на него, какъ утвержденіе, будто теоретическіе споры являются исключительно дѣломъ „академиковъ“. Еще Лассаль какъ-то сказалъ ¹⁾: только тогда, когда наука и работники—эти два про-

¹⁾ Въ рѣчи „Наука и работники“.

Ред.

тивоположныхъ общественныхъ полюса—соединятся воедино, они раздавятъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ всѣ препятствія, стоящія на пути культурѣ.

Вся сила современнаго рабочаго движенія покоится на теоретическомъ познаніи. Но въ данномъ случаѣ это познаніе является вдвойнѣ важнымъ для рабочихъ, такъ какъ здѣсь вопросъ идетъ именно о нихъ самихъ и объ ихъ вліяніи на движеніе, и такъ какъ здѣсь играютъ ихъ судьбой. Оппортунистское теченіе въ партіи, теоретически сформулированное Бернштейномъ, есть не что иное, какъ бессознательное стремленіе обезпечить преобладаніе за вошедшими въ нашу партію мелко-буржуазными элементами и видоизмѣнить въ ихъ духѣ практику и цѣли ея. Вопросъ о социальной реформѣ и революціи, о конечной цѣли и движеніи представляетъ, съ другой стороны, вопросъ о *мелко-буржуазномъ или пролетарскомъ характерѣ рабочаго движенія*.

Поэтому въ интересахъ пролетарской массы партіи необходимо живѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ заняться разсмотрѣніемъ теоретическаго спора съ современнымъ оппортунизмомъ. До тѣхъ поръ, пока теоретическое познаніе останется въ партіи привилегіей горсти „академиковъ“, ей постоянно будетъ угрожать опасность сбиться съ пути. Только тогда, когда широкія массы рабочаго класса сами возьмутъ въ руки надежное остро-отточенное оружіе научнаго социализма, исчезнутъ всѣ мелко-буржуазныя уклоненія, всѣ оппортунистскія теченія. Тогда и движеніе станетъ на вѣрную и твердую почву. „Масса сдѣлаетъ это“.

Роза Люксембургъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ¹⁾.

1. Бернштейновскій методъ.

Если теоріи представляютъ собой отраженія явленій внѣшняго міра въ человѣческомъ мозгу, то, имѣя въ виду новѣйшую теорію Эдуарда Бернштейна, мы приходимъ къ заключенію, что теоріи иногда представляютъ отраженія обратныя дѣйствительности. Теорія введенія социализма путемъ социальныхъ реформъ въ эпоху Штумма-Посадовскаго; теорія контроля профессиональныхъ союзовъ надъ процессомъ производства—послѣ пораженія англійскихъ машиностроительныхъ рабочихъ; теорія преобладанія въ парламентѣ социаль-демократическаго большинства—послѣ пересмотра саксонской конституціи и покушеній на всеобщее избирательное право въ рейхстагъ! Но центръ тяжести разсужденій Бернштейна лежитъ, по нашему мнѣнію, не въ его взглядахъ на практическія задачи социаль-демократіи, а въ томъ, что онъ говоритъ о ходѣ объективнаго развитія капиталистическаго общества, съ чѣмъ, конечно, очень тѣсно связаны и вышеупомянутые взгляды его.

По мнѣнію Бернштейна, общее крушеніе капитализма по мѣрѣ развитія послѣдняго становится все менѣе вѣроятнымъ, такъ какъ капиталистическая система съ каждымъ днемъ проявляетъ все большую способность приспособленія, а производство постоянно все больше

¹⁾ Критика статей Бернштейна: „Проблемы социализма“.

дифференцируется. Приспособляемость капитализма выражается, по мнѣнію Бернштейна, во-первыхъ, въ исчезновеніи всеобщихъ *кризисовъ*, что обусловливается развитіемъ кредита, предпринимательскихъ организацій средствъ сообщенія, а также почтово-телеграфныхъ сношеній; во-вторыхъ—въ устойчивости средняго сословія, какъ результата постоянной дифференціаціи отраслей производства и перехода широкихъ слоевъ пролетаріата въ среднее сословіе, и, наконецъ, въ-третьихъ, приспособляемость эта выражается въ экономическомъ и политическомъ улучшеніи положенія пролетаріата, какъ слѣдствія профессиональной борьбы.

Отсюда для социаль-демократіи вытекаетъ общее указаніе, что ея дѣятельность должна быть направлена не на захватъ политической власти въ государствѣ, а на улучшеніе положенія рабочаго класса и на введеніе социализма не путемъ социальной и политической революціи, а путемъ постепеннаго расширенія общественнаго контроля и постепеннаго проведенія кооперативнаго принципа.

Самъ Бернштейнъ не видитъ ничего новаго въ своихъ разсужденіяхъ и полагаетъ даже, что они согласны какъ съ отдѣльными заявленіями Маркса и Энгельса, такъ и съ общимъ направленіемъ дѣятельности социаль-демократіи до самаго послѣдняго времени. Однако, на нашъ взглядъ, при болѣе основательномъ знакомствѣ съ сущностью его воззрѣній, трудно отрицать, что они находятся въ коренномъ противорѣчій со всѣмъ ходомъ мысли научнаго социализма.

Если-бы весь бернштейновскій ревизионизмъ исчерпывался утвержденіемъ, что ходъ капиталистическаго развитія совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ это принято считать, то это значило бы только, что захватъ политической власти пролетаріатомъ необходимо отсрочить; а отсюда практически можно было-бы, въ крайнемъ случаѣ, сдѣлать выводъ о болѣе медленномъ темпѣ борьбы.

Но дѣло не въ этомъ. Бернштейнъ поднимаетъ вопросъ не о

темпѣ, а о самой тенденціи развитія капиталистическаго общества и, въ связи съ этимъ, о переходѣ къ социалистическому строю.

Если социалистическая теорія до сихъ поръ принимаетъ, что исходной точкой социалистическаго переворота будетъ всеобщій уничтожающій кризисъ, то при этомъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, различать основы теоріи отъ ея внѣшней формы.

Эта теорія предполагаетъ, что капиталистическій строй самъ по себѣ, въ силу собственныхъ противорѣчій подготовитъ моментъ своего разрушенія, когда существованіе его сдѣлается просто невозможнымъ. Если этотъ моментъ представляютъ въ формѣ всеобщаго разрушительнаго промышленнаго кризиса, то для этого имѣется по нашему мнѣнію глубокое основаніе, но тѣмъ не менѣе въ самомъ обоснованіи социализма онъ играетъ лишь второстепенную роль.

Социализмъ черпаетъ свое научное обоснованіе въ трехъ основныхъ тенденціяхъ капиталистическаго развитія: прежде всего въ усиливающейся *анархіи* капиталистическаго хозяйства, которая ведетъ его неизбежно къ гибели, во вторыхъ, въ растущемъ *обобществленіи* производственнаго процесса, которое создаетъ положительную отправную точку для созданія социалистическаго строя, и въ третьихъ—въ растущей *силѣ* и *классовомъ сознаніи* пролетаріата, являющихся активнымъ факторомъ предстоящаго переворота.

Первую изъ перечисленныхъ главныхъ основъ научнаго социализма Бернштейнъ опровергаетъ. Онъ утверждаетъ, что капиталистическое развитіе не идетъ навстрѣчу всеобщему хозяйственному краху.

Но этимъ онъ отрицаетъ не только опредѣленную форму гибели капиталистическаго строя, но и самую возможность его гибели. Онъ ясно говоритъ: „когда говорятъ о крушеніи современнаго общества, то имѣютъ при этомъ въ виду больше чѣмъ всеобщій и усиленный, по сравненію съ прежними, промышленный кризисъ, а

именно—полную гибель капиталистической системы в силу ее собственных противоречий¹⁾. И далее он заявляет: „приблизительно одновременная и полная гибель современной системы производства становится с дальнейшим развитием общества не больше, а меньше вероятной, так как это развитие увеличивает приспособляемость индустрии, одновременно усиливая ее дифференциацию¹⁾“.

Но в таком случае возникает важный вопрос: почему и каким образом мы вообще придем к конечной цели наших стремлений? С точки зрения научного социализма историческая необходимость социалистического переворота выражается прежде всего в возрастающей анархии капиталистической системы, которая толкает капитализм в безвыходный тупик. Но если согласиться с Бернштейном, что капиталистическое развитие не находится на пути к собственной гибели, тогда социализм *перестает быть объективно необходимым*. Из краевольных камней его научного фундамента остается тогда только два других продукта капиталистического строя: обобществленный процесс производства и классовое сознание пролетариата. Это имеет в виду Бернштейн, когда говорит: „социалистическая мысль (с устранением теории крушения) несколько не теряет в своей убедительности. Что, в самом деле, представляют из себя, если внимательно присмотреться, перечисленные нами факторы устранения или видоизменения прежних кризисов? Все это факты, которые одновременно представляют из себя предпосылку и отчасти даже исходные пункты обобществления производства и обмена²⁾“.

Достаточно, однако, благо взгляда, чтобы доказать ложность и этого заключения. В чем заключается значение явлений, име-

1) Neue Zeit 1897/98 № 18 S. 555.

2) Neue Zeit 1897/98 № 18 S. 554.

Русск. пер. стр. 217.

нуемых Бернштейном средствами приспособления капитализма: картелей, кредита, усовершенствования средств сообщения, поднятия рабочего класса и т. д. В том, конечно, что они устраняют, или по крайней мере притупляют внутренние противоречия капиталистического хозяйства, мешают их развитию и обострению. Так, устранение кризисов означает уничтожение противоречия между производством и обменом на почве капитализма; улучшение положения рабочего класса, как такового, и отчасти переход его в среднее сословие означает притупление противоречия между трудом и капиталом. И так, раз картели, кредит, профессиональные союзы и т. д. уничтожают капиталистические противоречия, и, следовательно, спасают капиталистическую систему от окончательной гибели и сохраняют капитализм (поэтому Бернштейн и называет их „средствами приспособления“),—как же они могут в то же самое время представлять из себя „предпосылки и отчасти даже исходные пункты социализма“? Очевидно лишь в том смысле, что они содействуют более ясному проявлению общественного характера производства. Но, поскольку они сохраняют его капиталистическую форму, постольку они делают излишним переход этого обобществленного производства в социалистическую форму. Поэтому они могут служить исходными пунктами и предпосылками социалистического строя только в идейном, а не в историческом смысле, т. е. это такие явления, которые, как мы знаем на основании нашего представления о социализме, близки к последнему, но фактически не только не могут произвести социалистического переворота, а скорее делают его излишним. Таким образом в качестве обоснования социализма остается только классовое сознание пролетариата. Но и оно в данном случае не просто духовное отражение все более обостряющихся противоречий капитализма и его предстоящей гибели,—вдѣ эта последняя предотвращается средствами приспособления,—а только

идеалъ, притягательная сила котораго покоится на его собственныхъ, ему приписанныхъ совершенствахъ.

Однимъ словомъ, этимъ путемъ мы получаемъ обоснованіе социалистической программы посредствомъ „чистаго познанія“, или, проще сказать, идеалистическое обоснованіе; а объективная необходимость, т. е. доказательство, основывающееся на самомъ ходѣ матеріальнаго развитія общества, отбрасывается. Теорія Бернштейна стоитъ передъ дилеммой: или социалистическій переворотъ вытекаетъ изъ объективныхъ противорѣчій капиталистическаго строя, и результатомъ ихъ будетъ въ свое время крушеніе его въ той или иной формѣ,—но въ такомъ случаѣ „средства приспособленія“ недѣйствительны, и теорія крушенія вѣрна. Или „средства приспособленія“ дѣйствительно предотвращаютъ крушеніе капиталистической системы, дѣлаютъ, такимъ образомъ, капитализмъ способнымъ къ существованію и устраняютъ, слѣдовательно, его противорѣчія; но въ такомъ случаѣ *соціализмъ* перестаетъ быть исторической необходимостью и представляетъ изъ себя все, что угодно, но только не результатъ матеріальнаго развитія общества. Эта дилемма ведетъ къ другой: или Бернштейнъ правъ въ отношеніи хода капиталистическаго развитія, и въ такомъ случаѣ социалистическое преобразование общества превращается въ утопію, или социализмъ не есть утопія, но тогда не вѣрна теорія средствъ приспособленія. That is the question—вотъ вопросъ.

2. Приспособленіе капитализма.

Къ важнѣйшимъ средствамъ приспособленія капиталистическаго хозяйства принадлежатъ, по мнѣнію Бернштейна, кредитъ, усовершенствованныя средства сообщенія и организациі предпринимателей.

Начнемъ съ *кредита*. Онъ исполняетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ разнообразныя функціи, но самая важная изъ нихъ со-

стоитъ, какъ извѣстно, въ увеличеніи способности производительныхъ силъ къ расширенію, въ посредничествѣ и облегченіи обмѣна. Тамъ, гдѣ имманентная тенденція капиталистическаго производства къ неограниченному расширенію наталкивается на рамки частной собственности, на ограниченные размѣры частнаго капитала, кредитъ является средствомъ капиталистически преодолѣть эти препятствія; онъ спаиваетъ въ одинъ много частныхъ капиталовъ (акціонерныя общества) и предоставляетъ въ распоряженіе капиталиста чужой капиталъ (промышленный кредитъ). Съ другой стороны, онъ, въ качествѣ торговаго кредита, ускоряетъ обмѣнъ товаровъ, т. е. ускоряетъ возвращеніе капитала къ производству, а слѣдовательно и весь круговоротъ производственнаго процесса. Легко увидѣть то вліяніе, которое обѣ эти важнѣйшія функціи кредита оказываютъ на возникновеніе кризисовъ. Если кризисы, какъ извѣстно, вытекаютъ изъ противорѣчія между способностью и тенденціей производства къ расширенію съ одной стороны и ограниченной способностью потребленія съ другой, то, согласно вышесказанному, кредитъ какъ бы предназначенъ для того, чтобы, какъ можно чаще, вскрывать это противорѣчіе. Прежде всего онъ увеличиваетъ до необычайныхъ размѣровъ способность производства къ расширенію и постоянно создаетъ въ немъ внутреннее побужденіе выйти за предѣлы рынка. Но онъ бьетъ на два фронта.

Разъ кредитъ, въ качествѣ фактора производственнаго процесса, вызываетъ перепроизводство, то, въ качествѣ средства обращенія, онъ съ тѣмъ большей силой поражаетъ во время кризиса имъ же самымъ вызванныя производительныя силы. При первыхъ признакахъ застоя кредитъ сокращается, не приходитъ обмѣну на помощь тамъ, гдѣ это какъ разъ надо, не производитъ дѣйствія и оказывается безцѣльнымъ тамъ, гдѣ онъ еще функционируетъ и, такимъ образомъ, сокращаетъ во время кризисовъ способность потребленія до минимальныхъ размѣровъ.

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ послѣдствій, кредитъ дѣйствуетъ еще во многихъ отношеніяхъ на образованіе кризисовъ. Онъ является не только техническимъ средствомъ, дающимъ капиталисту возможность распоряжаться чужимъ капиталомъ, но въ то же время служитъ поощреніемъ къ смѣлому и беззаботному употребленію чужой собственности, слѣдовательно ведетъ къ рискованнымъ спекуляціямъ. Въ качествѣ коварнаго средства обращенія онъ не только обостряетъ кризисъ, но и облегчаетъ его наступленіе и распространеніе; онъ превращаетъ все обращеніе въ чрезвычайно сложную и искусственную махинацію съ минимальнымъ количествомъ металлическихъ денегъ въ качествѣ реальной основы, такъ что малѣйшій поводъ вызываетъ въ ней разстройство.

Такимъ образомъ, кредитъ далеко не является средствомъ устраненія или хотя-бы только смягченія кризисовъ, а совершенно напротивъ, представляетъ изъ себя особый и могущественный факторъ для созданія кризисовъ. Да иначе и быть не можетъ. Специфическая функція кредита, въ самыхъ общихъ чертахъ, заключается именно въ томъ, чтобы лишить всѣ капиталистическія отношенія послѣдняго остатка устойчивости и внести повсюду возможно большую эластичность, сдѣлать всѣ капиталистическія потенциальныя силы въ высшей степени растяжимыми, относительными и чувствительными. Ясно, что это можетъ только обострить и облегчить появленіе кризиса, который есть не что иное, какъ періодическое столкновеніе противодѣйствующихъ потенциальныхъ силъ капиталистическаго хозяйства.

Но это приводитъ насъ въ то-же время къ другому вопросу, — какимъ образомъ кредитъ вообще можетъ явиться „средствомъ приспособленія“ капитализма. Въ какомъ-бы отношеніи и подъ какой-бы формой мы не представляли себѣ это „приспособленіе“ при посредствѣ кредита, сущность такого приспособленія можетъ заключаться, очевидно, только въ одномъ: благодаря ему сглаживается какое либо противорѣчивое отношеніе въ капиталистическомъ хо-

зяйствѣ, уничтожается или притупляется какое либо изъ его противорѣчій и такимъ путемъ силы, сжатые въ одномъ пунктѣ, получаютъ возможность выйти на широкій просторъ. Однако, если имѣется въ современномъ капиталистическомъ обществѣ средство, способное довести всѣ его противорѣчія до крайней степени, то это именно кредитъ. Онъ усиливаетъ противорѣчіе между способами производства и обмѣна, доводя производство до наибольшаго напряженія и при малѣйшемъ поводѣ парализуя обмѣнъ. Онъ усиливаетъ противорѣчіе между способомъ производства и способомъ присвоенія, отдѣляя производство отъ собственности, превращая капиталъ, занятый въ производствѣ, въ общественный, а прибыли придавая форму чистаго процента на капиталъ, т. е. чистой частной собственности. Онъ повышаетъ противорѣчіе между *отношеніями владѣнія и производства*, концентрируя путемъ насильственной экспроприаціи многихъ мелкихъ капиталистовъ громадныя производительныя силы въ рукахъ немногихъ. Онъ повышаетъ противорѣчіе между общественнымъ и частнымъ характеромъ производства, дѣлая необходимымъ вмѣшательство государства въ производство (акціонерныя общества).

Однимъ словомъ, кредитъ воспроизводитъ всѣ коренныя противорѣчія капиталистическаго міра и доводитъ ихъ до нелѣпости, доказывая, такимъ образомъ, капиталистическому обществу его несовершенства, ускоряетъ темпъ, съ которымъ оно спѣшитъ навстрѣчу своей собственной гибели—крушенію. Итакъ, что касается кредита, то первое, что долженъ былъ бы сдѣлать капитализмъ въ цѣляхъ своего приспособленія—уничтожить кредитъ, прекратить его дѣятельность. Въ своемъ настоящемъ видѣ онъ служитъ не средствомъ приспособленія, а средствомъ уничтоженія, обладающимъ чрезвычайно революціоннымъ вліяніемъ. Въдѣ именно этотъ революціонный, разрушающій капиталистическія рамки, характеръ кредита вызвалъ даже реформаторскіе планы съ легкой соціалистической окраской и пре-

вратилъ, по выраженію Маркса, главныхъ защитниковъ кредита въ полупророковъ, полумошенниковъ.

Настолько-же придуманнымъ является при ближайшемъ изученіи и второе „средство приспособленія“ капиталистическаго производства—*союзы предпринимателей*. По мнѣнію Бернштейна они должны путемъ регулированія производства прекратить анархію и предупредить кризисы. Объ этомъ, понятно, могла-бы быть рѣчь постольку, поскольку картели, трѣсты и т. д. хоть приблизительно имѣли тенденцію сдѣлаться всеобщей и господствующей формой производства. Но это какъ разъ противорѣчитъ самой природѣ картелей. Конечная экономическая цѣль союзовъ предпринимателей состоитъ въ томъ, чтобы путемъ уничтоженія конкуренціи внутри данной отрасли воздѣйствовать на распредѣленіе общей массы полученной на товарномъ рынкѣ прибыли въ смыслѣ увеличенія доли этой отрасли индустрии. Но организація можетъ поднять норму прибыли одной какой либо отрасли индустрии только за счетъ другихъ и по одному этому не можетъ сдѣлаться всеобщей. Распространяясь на всѣ наиболѣе важныя отрасли производства, она сама уничтожаетъ свое вліяніе.

Но и въ предѣлахъ своего практическаго осуществленія союзы предпринимателей дѣйствуютъ въ направленіи совершенно противоположномъ прекращенію промышленной анархіи. Указанное повышеніе нормы прибыли достигается картелями на внутреннемъ рынкѣ обыкновенно тѣмъ, что дополнительныя части капитала, которыя не могутъ быть примѣнены для внутреннихъ потребностей, они пускаютъ въ производство для вывоза, довольствуясь гораздо болѣе низкой нормой прибыли. Результатомъ этого является обостреніе конкуренціи за границей, увеличеніе анархіи на мировомъ рынкѣ, т. е. какъ разъ противоположное тому, къ чему стремились. Примѣромъ этого служатъ современныя отношенія въ международной сахарной промышленности.

Наконецъ, союзы предпринимателей въ ихъ цѣломъ, какъ одна изъ формъ капиталистическаго способа производства, должно рассматривать, какъ переходную стадію, какъ опредѣленную фазу капиталистическаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, картели являются собственно средствомъ капиталистическаго способа производства удерживать роковое паденіе нормы прибыли въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Какому же методу слѣдуютъ картели для этой цѣли? Въ сущности онъ состоитъ лишь въ неупотребленіи одной части накопленнаго капитала, т. е. тотъ-же методъ, который въ иной только формѣ примѣняется при кризисахъ. Но подобное лѣкарство, какъ двѣ капли воды похоже на самую болѣзнь и можетъ примѣняться только до извѣстнаго времени въ качествѣ меньшаго изъ золъ. Какъ только рынокъ сбыта начнетъ уменьшаться—а нельзя отрицать, что такой моментъ рано или поздно наступитъ—вынужденное неупотребленіе части капитала приметъ такіе размѣры, что лѣкарство само превратится въ болѣзнь, капиталъ, уже значительно обобществленный благодаря организаціи, снова превратится въ частный капиталъ. Разъ уменьшается возможность захватить мѣстечко на рынкѣ, всякая частная доля капитала предпочитаетъ искать счастья за свой страхъ и рискъ. Въ такомъ случаѣ организаціи должны лопнуть, какъ мыльные пузыри, и снова дать мѣсто свободной конкуренціи, но въ усиленной формѣ.

Итакъ, въ общемъ картели такъ-же, какъ кредитъ, представляются опредѣленными фазами развитія, которыя въ концѣ концовъ еще болѣе увеличиваютъ анархію капиталистическаго міра, развиваютъ и даютъ всѣмъ его имманентнымъ противорѣчіямъ болѣе ясное выраженіе. Они обостряютъ противорѣчія между способами производства и обмѣна, усиливая до крайнихъ предѣловъ борьбу между производителемъ и потребителемъ. Они обостряютъ далѣе противорѣчіе между способами производства и присвоенія, противопоставляя рабочему классу превосходную силу организованнаго

капитала и представляя въ самой рѣзкой формѣ противоположность между трудомъ и капиталомъ.

Они обостряютъ, наконецъ, противорѣчіе между международнымъ характеромъ капиталистическаго хозяйства и національнымъ характеромъ капиталистическаго государства, такъ какъ спутникомъ ихъ является общая таможенная война, усиливающая до крайней степени антагонизмъ между отдѣльными капиталистическими государствами. Сюда прибавляется еще прямое и въ высшей степени революціонное вліяніе картелей на концентрацію производства, техническое усовершенствованіе и т. д.

Такимъ образомъ, картели въ своемъ окончательномъ дѣйствіи на капиталистическое хозяйство не только не представляютъ „средства приспособленія“, сглаживающаго его противорѣчія, а, какъ разъ наоборотъ, являются однимъ изъ средствъ, созданныхъ капиталистическимъ хозяйствомъ, чтобы увеличить присущую ему анархію, обнаружить заключающіяся въ немъ противорѣчія и ускорить собственную гибель.

Однако, если кредитъ, картели и подобныя средства не устраняютъ анархіи капиталистическаго хозяйства, то какимъ-же образомъ могло случиться, что мы въ теченіе двухъ десятилѣтій не пережили общихъ промышленныхъ кризисовъ? Развѣ это не служитъ признакомъ, что капиталистическій способъ производства, по крайней мѣрѣ въ своей сущности, дѣйствительно „приспособился“ къ потребностямъ общества и опровергъ сдѣланный Марксомъ анализъ? Мы думаемъ, что настоящее затишье на мировомъ рынкѣ можно объяснить другими причинами.

Всѣ бывшіе до сихъ поръ большіе и періодическіе промышленные кризисы обыкновенно рассматриваютъ, какъ представленные Марксомъ въ его анализѣ старческіе кризисы капитализма. Приблизительно десятилѣтняя періодичность производительнаго цикла казалась лучшимъ подтвержденіемъ этой схемы. Но такой взглядъ по-

коится, по нашему мнѣнію, на недоразумѣніи. Рассматривая ближе въ отдѣльности причины всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ большихъ международныхъ кризисовъ, приходишь къ убѣжденію, что они были выраженіемъ не старческой слабости капиталистическаго хозяйства, а скорѣе выраженіемъ его младенчества. Стоитъ только немного подумать, чтобы немедленно убѣдиться, что капитализмъ въ 1825, 1836, 1847 г.г. ни въ какомъ случаѣ не могъ вызвать періодическаго, порожденнаго полной зрѣлостью, неизбежнаго столкновенія производительныхъ силъ съ рамками существующаго рынка въ томъ видѣ, какъ это представлено въ Марксовой схемѣ. Не могъ потому, что капитализмъ въ то время находился въ большинствѣ странъ еще въ пеленкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, кризисъ 1825 г. явился результатомъ затратъ громаднаго основнаго капитала при постройкѣ дорогъ, каналовъ и газовыхъ заводовъ, возникшихъ такъ-же, какъ и самъ кризисъ, главнымъ образомъ въ Англіи въ предшествовавшемъ ему десятилѣтіи. Слѣдующій кризисъ 1836—1839 г.г. точно также былъ результатомъ колоссальнаго грюндерства, вызваннаго созданіемъ новыхъ средствъ транспорта. Кризисъ 1847 г. былъ, какъ извѣстно, вызванъ лихорадочнымъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ въ Англіи (съ 1844 до 1847 г., т. е. въ теченіе трехъ только лѣтъ парламентъ роздалъ концессій для постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ на сумму около $1\frac{1}{2}$ миллиардовъ талеровъ!). Во всѣхъ трехъ случаяхъ, слѣдовательно, кризисы являются результатомъ различныхъ формъ созданія соціального хозяйства и закладки новыхъ фундаментовъ капиталистическаго развитія. Кризисъ 1857 г. вызванъ былъ внезапнымъ открытіемъ для европейской индустріи новыхъ рынковъ въ Америкѣ и Австраліи благодаря открытію золотыхъ рудниковъ; во Франціи главнымъ образомъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ, при чемъ въ этомъ отношеніи она шла по стопамъ Англіи (съ 1852 до 1856 г. во Франціи было устроено новыхъ желѣзныхъ дорогъ на $1\frac{1}{4}$ миллиарда франковъ). Наконецъ, какъ

известно, громадный кризисъ 1873 г. явился прямымъ послѣдствіемъ созданія крупной промышленности въ Германіи и Австріи и перваго бурнаго натиска ея, послѣдовавшаго за политическими событіями 1866 и 1871 г.

Итакъ, до сихъ поръ причиной промышленныхъ кризисовъ каждый разъ было внезапное *расширеніе*, а не *суженіе* или истощеніе капиталистическаго хозяйства; десятилѣтняя періодичность бывшихъ до сихъ поръ международныхъ кризисовъ представляется, такимъ образомъ, явленіемъ внѣшнимъ, случайнымъ. Марксова схема образованія кризисовъ, въ томъ ея видѣ, какъ она представлена Энгельсомъ въ „Антидюрингъ“ и Марксомъ въ III томѣ Капитала, только постольку подходитъ къ объясненію бывшихъ кризисовъ, поскольку она раскрываетъ *внутренній механизмъ* и глубоко скрытыя общія причины всѣхъ кризисовъ. Но въ своемъ цѣломъ эта схема примѣнима скорѣй къ совершенно развитому капиталистическому хозяйству, тамъ, гдѣ мировой рынокъ предполагается, какъ нѣчто уже данное. Только въ этомъ случаѣ кризисы могутъ повторяться, какъ это принято въ Марксовомъ анализѣ, механическимъ путемъ, въ силу собственнаго внутренняго движенія процессовъ производства и обмѣна, безъ внѣшняго толчка, вызваннаго внезапнымъ потрясеніемъ въ отношеніяхъ производства или рынка. Если мы представимъ себѣ современное экономическое положеніе, то во всякомъ случаѣ должны будемъ признать, что мы не вступили еще въ ту фазу совершенной капиталистической зрѣлости, которая по схемѣ Маркса является условіемъ періодичности кризисовъ. Мировой рынокъ все еще развивается. Германія и Австрія только съ 70 годовъ вступили въ фазу крупнаго производства, Россія сдѣлала это только въ 80 годахъ, Франція еще до сихъ поръ продолжаетъ оставаться преимущественно мелко-ремесленной, государства Балканскаго полуострова, въ значительной части даже не освободились отъ оковъ натурального хозяйства, а Америка, Австралія и Африка лишь въ

80 годахъ вступили въ оживленныя и правильныя промышленныя сношенія съ Европой. И если мы, съ одной стороны, уже пережили эти внезапныя, совершающіяся скачками открытія новыхъ областей капиталистическаго хозяйства, которыя до 70 годовъ происходили періодически и являлись причиной бывшихъ до сихъ поръ, такъ сказать, кризисовъ юности, то, съ другой стороны, мы не достигли еще той степени развитія и истощенія мирового рынка, которая вызвала-бы роковыя и періодическія столкновенія производительныхъ силъ съ границами рынка—дѣйствительные старческіе кризисы капитализма. Мы вступили въ тотъ періодъ, когда кризисы не сопровождаютъ болѣе народженія капитализма, но еще не сопутствуютъ его гибели. Этотъ переходной періодъ характеризуется также наблюдаемой въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій устойчивой, но въ общемъ вялой, промышленной жизнью, въ которой короткіе періоды подъема смѣняются продолжительными періодами угнетенія.

Но мы неудержимо приближаемся къ началу конца, къ періоду конечныхъ кризисовъ капитализма. Это слѣдуетъ именно изъ тѣхъ самыхъ явленій, которыми обуславливается въ настоящее время отсутствіе кризисовъ.

Разъ мировой рынокъ въ общемъ достигъ известныхъ размѣровъ и не можетъ уже быть увеличенъ никакими внезапными расширеніями, если при этомъ неудержимо растетъ производительность труда, рано или поздно начнется періодическое столкновеніе между производительными силами и границами обмѣна,—столкновеніе, которое благодаря повтореніямъ будетъ приобрѣтать все болѣе рѣзкій и бурный характеръ. И если существуютъ какія либо спеціальныя средства, способныя приблизить насъ къ этому періоду, способныя быстро создать и также быстро истощить мировой рынокъ, то это именно тѣ явленія—кредитъ и организациі предпринимателей—на которыя, какъ на „средства приспособленія“ капитализма ссылается Бернштейнъ. Предположеніе, что капиталистическое производство

могло-бы „приспособиться“ къ обмѣну, требуетъ одного изъ двухъ: или міровой рынокъ растетъ неограниченно и безконечно, или наоборотъ производительныя силы ограничены въ своемъ ростѣ такъ, что онѣ не могутъ перерости предѣловъ рынка. Первое является физически невозможнымъ, второму предположенію противорѣчитъ тотъ фактъ, что на каждомъ шагу во всѣхъ областяхъ производства совершается техническій переворотъ, каждый день пробуждаются новыя производительныя силы.

По мнѣнію Бернштейна еще одно явленіе противорѣчитъ установленному ходу капиталистическихъ дѣлъ: „почти непоколебимая фаланга“ среднихъ предприятий, на которыя онъ указываетъ намъ. Это доказываетъ, по его мнѣнію, что развитіе крупнаго производства не дѣйствуетъ такимъ революціонизирующимъ и концентрирующимъ образомъ, какъ этого слѣдовало-бы ожидать согласно „теоріи крушенія“. Но и здѣсь онъ снова является жертвой собственнаго недоразумѣнія. Было бы совершенно ошибочно толковать развитіе крупной промышленности въ томъ смыслѣ, что по мѣрѣ этого развитія всѣ среднія предприятия должны одно за другимъ исчезнуть съ лица земли.

Въ общемъ ходъ капиталистическаго развитія именно мелкіе капиталы играютъ роль факторовъ технической революціи въ двухъ отношеніяхъ: относительно введенія новыхъ методовъ производства въ старыхъ, прочныхъ и установившихся отрасляхъ, и относительно созданія новыхъ, еще не эксплуатируемыхъ крупными капиталами отраслей промышленности. Совершенно ложнымъ является взглядъ, будто развитіе капиталистическихъ среднихъ предприятий идетъ по прямой линіи къ постепенному паденію. Фактически ходъ развитія является скорѣе и здѣсь діалектическимъ и движется постоянно между противорѣчіями. Капиталистическое среднее сословіе такъ-же, какъ и рабочій классъ, находится всецѣло подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ тенденцій,—возвышающей и угнетающей его.

Угнетающая тенденція заключается въ данномъ случаѣ въ постоянномъ наростаніи масштаба производства, который періодически опережаетъ производительную силу среднихъ капиталовъ и, такимъ образомъ, устраняетъ ихъ съ поля борьбы. Возвышающая тенденція заключается какъ въ періодическомъ обезцѣниваніи существующихъ капиталовъ, которое снова на нѣкоторое время понижаетъ масштабъ производства—соотвѣтственно цѣнности необходимаго минимума капитала,—такъ и въ проникновеніи капиталистическаго производства въ новыя сферы. Борьбу среднихъ производствъ съ крупнымъ капиталомъ нельзя представлять себѣ въ видѣ правильной битвы, въ которой войско слабѣйшей стороны непосредственно прогрессивно убываетъ въ своемъ числѣ, а скорѣе въ видѣ періодическаго скашивания мелкихъ капиталовъ, которые быстро вырастаютъ снова, чтобы опять попасть подъ косу крупной промышленности. Изъ этихъ двухъ тенденцій, играющихъ, какъ мячикомъ, капиталистическимъ среднимъ сословіемъ, въ концѣ концовъ—въ противоположность развитію рабочаго класса—побѣждаетъ *угнетающая* его тенденція. Но это вовсе не должно обязательно проявляться въ абсолютномъ численномъ уменьшеніи среднихъ производствъ, а выражается, во-первыхъ, въ постепенно повышающемся минимумѣ капитала, который нуженъ для производствъ въ старыхъ отрасляхъ и, во-вторыхъ, въ постоянно уменьшающемся промежуткѣ времени, въ теченіе котораго мелкіе капиталы самостоятельно эксплуатируютъ новыя отрасли производства. Вотъ почему періодъ жизни *индивидуальнаго* мелкаго капитала дѣлается все короче, все быстрѣе мѣняются методы производства и способы его приложенія; для класса-же въ его цѣломъ отсюда слѣдуетъ постоянно ускоряющійся соціальныи обмѣнъ веществъ.

Послѣднее прекрасно извѣстно Бернштейну, и онъ подтверждаетъ это. Но онъ, очевидно, забываетъ, что этимъ дается и самый законъ капиталистическаго развитія среднихъ производствъ.

Если мелкіе капиталы являются передовыми борцами технического прогресса, и если прогрессъ въ области техники есть жизненный нервъ капиталистическаго хозяйства, то, очевидно, мелкіе капиталы представляются неразлучными спутниками капиталистическаго развитія и могутъ исчезнуть только одновременно съ послѣднимъ. Постепенное исчезновеніе среднихъ производствъ—въ смыслѣ абсолютныхъ суммарныхъ чиселъ, что и имѣетъ въ виду Бернштейнъ, указывало-бы не на революціонный ходъ развитія капитализма, какъ это онъ думаетъ, а, совсѣмъ наоборотъ, на застой и спячку капитализма. „Норма прибыли, т. е. относительное наростаніе капитала имѣетъ прежде всего значеніе для всѣхъ новыхъ самостоятельно группирующихся отводковъ капитала. И какъ только образованіе капитала попало-бы исключительно въ руки немногихъ уже имѣющихъ крупныхъ капиталовъ... оживляющій огонь производства вообще былъ-бы погашенъ. Оно погрузилось-бы въ сонъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, средства приспособленія, о которыхъ говорить Бернштейнъ, оказываются недѣйствительными, и тѣ явленія, которыя онъ считаетъ симптомами приспособленія, должны быть объяснены совсѣмъ другими причинами.

3. Введеніе социализма путемъ социальнихъ реформъ.

Бернштейнъ отвергаетъ „теорію крушенія“ какъ историческій путь для осуществленія социалистическаго общества. Каковъ же тотъ путь, который съ точки зрѣнія „теоріи приспособленія капитализма“ ведетъ къ этому? На этотъ вопросъ Бернштейнъ отвѣтилъ только намеками, а Конрадъ Шмидтъ сдѣлалъ попытку дать болѣе

¹⁾ Marx, Das Kapital, 3 Band, 1. S. 241. Русск. переводъ. С.-Пб., 1896, стр. 202.

подробный отвѣтъ въ духѣ Бернштейна¹⁾. По его мнѣнію „профессиональная борьба и политическая борьба за социальныя реформы ведетъ ко все усиливающемуся контролю общества надъ условіями производства“ и при посредствѣ законодательства „все болѣе и болѣе низводитъ собственника капитала путемъ ограниченія его правъ до роли администратора“ пока, наконецъ, „руководство и управленіе производствомъ не будетъ отнято у приниженнаго капиталиста, которому станетъ ясно, что его владѣніе съ каждымъ днемъ теряетъ для него самого всю свою цѣнность“; такимъ образомъ окончательно будетъ введено общественное производство.

Итакъ, профессиональные союзы, социальныя реформы и, по мнѣнію Бернштейна, еще политическая демократизація государства—вотъ средства постепеннаго введенія социализма.

Начнемъ съ профессиональныхъ союзовъ. Ихъ главная функція—это лучше кого либо другого, доказалъ въ „Neue Zeit“ семь лѣтъ тому назадъ самъ Бернштейнъ—состоитъ въ томъ, что для рабочихъ они служатъ средствомъ провести въ жизнь капиталистическій законъ заработной платы, т. е. продажу рабочей силы по ея рыночной цѣнѣ въ данный моментъ. Услуга, которую профессиональные союзы оказываютъ пролетаріату, состоитъ въ томъ, что они даютъ ему возможность использовать въ своихъ интересахъ существующую въ каждый данный моментъ рыночную конъюнктуру. Но сама конъюнктура, т. е. съ одной стороны спросъ на рабочую силу, зависящій отъ состоянія производства, съ другой стороны предложеніе рабочей силы, созданное пролетаризаціей и естественнымъ размноженіемъ, и, наконецъ, данная степень производительности труда—все это

¹⁾ Vorwärts отъ 20-го февраля 1898, Литературн. Обзорѣніе. Мы считаемъ себя тѣмъ болѣе вправѣ разсматривать взгляды Конрада Шмидта въ связи со взглядами Бернштейна, что послѣдній ни однимъ словомъ не опровергнулъ комментарія къ своимъ взглядамъ, напечатаннаго въ Vorwärts'ѣ.

лежитъ внѣ сферы вліянія профессиональныхъ союзовъ. Въ силу этого они не могутъ уничтожить законъ заработной платы; они могутъ въ лучшемъ случаѣ ввести капиталистическую эксплуатацію въ „нормальныя“ для даннаго момента границы, но ни въ какомъ случаѣ не способны, хотя бы постепенно, уничтожить ее.

Конрадъ Шмидтъ видитъ, конечно, въ современномъ профессиональномъ движеніи слабую начальную стадію и ждетъ, что въ послѣдствіи профессиональная организація будетъ все больше и больше вліять на регулированіе самого производства. Но подъ регулированіемъ производства можно понимать только одно изъ двухъ: или вмѣшательство въ техническую сторону процесса производства, или опредѣленіе размѣровъ самого производства. Какой характеръ можетъ имѣть въ обоихъ этихъ вопросахъ вліяніе профессиональныхъ союзовъ? Ясно, что въ отношеніи техники производства интересъ отдѣльнаго капиталиста вполне совпадаетъ съ прогрессомъ и развитіемъ капиталистическаго хозяйства. Собственный интересъ побуждаетъ его къ техническимъ усовершенствованіямъ. Положеніе отдѣльнаго рабочаго по отношенію къ этому вопросу, напротивъ, какъ разъ обратное: всякій техническій переворотъ противорѣчитъ интересамъ рабочихъ, имѣющихъ къ нему прямое отношеніе и непосредственно ухудшаетъ ихъ положеніе, обезцѣнивая рабочую силу. И поскольку профессиональный союзъ можетъ вмѣшиваться въ техническую сторону производства, онъ, очевидно, можетъ дѣйствовать только въ послѣднемъ смыслѣ, въ интересахъ непосредственно затронутыхъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ, т. е. противиться нововведеніямъ. Но въ такомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ не въ интересахъ рабочаго класса вообще, не въ интересахъ его освобожденія, такъ какъ эти интересы совпадаютъ съ техническимъ прогрессомъ, или, иначе говоря, съ интересами отдѣльныхъ капиталистовъ; и слѣдовательно профессиональный союзъ, наоборотъ, играетъ въ руку реакціи. Въ самомъ дѣлѣ, стремленія воздѣйствовать на техническую сторону

производства мы находимъ не въ будущемъ профессиональнаго движенія, гдѣ его ищетъ Конрадъ Шмидтъ, а въ прошломъ. Они являются отличительной чертой болѣе ранней стадіи англійскаго тредъ-юніонизма (до 60 годовъ), когда послѣдній еще не разстался съ цеховыми пережитками средневѣковья и, что характерно, руководствовался устарѣлымъ принципомъ „пріобрѣтѣннаго права на личную работу“¹⁾. Стремленіе профессиональныхъ союзовъ устанавливать размѣры производства и товарныя цѣны есть, напротивъ, явленіе болѣе поздняго времени. Только въ самое послѣднее время мы встрѣчаемся—и опять таки только въ Англии—съ возникновеніемъ такихъ попытокъ²⁾; но и эти стремленія по своему характеру и тенденціи совершенно равноцѣнны тѣмъ. Вѣдь къ чему должно свестись активное участіе профессиональнаго союза въ опредѣленіи размѣра и цѣны товарнаго производства? Къ союзу рабочихъ и предпринимателей противъ потребителя, дѣйствующему съ помощью принудительныхъ мѣръ противъ конкурирующихъ предпринимателей,—мѣръ, которыя ни въ чемъ не уступаютъ методамъ правильно организованныхъ союзовъ предпринимателей. Въ сущности, это—уже не борьба между трудомъ и капиталомъ, а солидарная борьба капитала и рабочей силы противъ потребляющаго общества. По своему соціальному характеру это—реакціонное начинаніе, которое уже по одному тому не можетъ служить этапомъ въ освободительной борьбѣ пролетаріата, что представляетъ изъ себя скорѣе нѣчто прямо противоположное классово-борьбѣ. По своему практическому значенію это—утопія, которая, какъ показываетъ нѣкоторое размышленіе, никогда не можетъ распространиться на болѣе значительныя и производящія на міровой рынокъ отрасли промышленности.

Итакъ, дѣятельность профессиональныхъ союзовъ ограничива-

1) Webb, Theorie und Praxis der Gewerkschaften. 2 B. ss. 100. (Веббъ „Теорія и практика тредъ-юніоновъ“).

2) Тамъ же S. 115.

ется въ сущности борьбою изъ-за заработной платы и сокращенія рабочаго дня, т. е. регулированіемъ капиталистической эксплуатаціи сообразно съ условіями рынка; воздѣйствіе же на процессъ производства по самому ихъ существу для нихъ совершенно невозможно. Даже больше, все развитіе профессиональныхъ союзовъ направлено къ совершенному прекращенію непосредственныхъ отношеній между трудовымъ и остальнымъ товарнымъ рынкомъ, что является прямой противоположностью утвержденіямъ Конрада Шмидта. Самымъ характернымъ въ данномъ случаѣ является фактъ, что даже стремленіе хотя бы пассивно установить непосредственное отношеніе между рабочимъ договоромъ и общимъ положеніемъ производства путемъ системы скользящей скалы заработной платы въ настоящее время уже отжило, и что англійскіе тредъ-юніоны начинаютъ все больше отказываться отъ нея¹⁾.

Но и въ фактическихъ границахъ своего вліянія профессиональное движеніе не расширяется такъ неограниченно, какъ это предполагаетъ теорія приспособленія капитала. Совсѣмъ наоборотъ. Разсматривая болѣе значительные періоды соціального развитія, нельзя скрыть того факта, что мы идемъ навстрѣчу временамъ упадка профессиональнаго движенія, а не сильнаго его подъема. Разъ развитіе промышленности достигло своего апогея, и на міровомъ рынкѣ наблюдается „кривая пониженія“ капитала, профессиональная борьба становится трудной вдвойнѣ: во-первыхъ, ухудшается для рабочей силы объективная конъюнктура рынка, такъ какъ спросъ растетъ медленнѣе, а предложеніе, наоборотъ, развивается быстрѣе, чѣмъ это наблюдается теперь; во-вторыхъ, самъ капиталъ, стремясь вознаградить себя за понесенныя на міровомъ рынкѣ потери, накладываетъ руку на принадлежащую рабочему долю продукта. Въдъ пониженіе заработной платы является однимъ изъ на-

¹⁾ Тамъ же стр. 115.

иболѣе дѣйствительныхъ средствъ удержать отъ паденія норму прибыли¹⁾. Англія даетъ намъ картину начала второй стадіи профессиональнаго движенія. Здѣсь оно сводится по необходимости все больше къ простой защитѣ уже завоеваннаго, но и это становится съ каждымъ днемъ все труднѣе. Другой стороной и дополненіемъ указаннаго общаго хода дѣлъ долженъ явиться подъемъ политической и социалистической классовою борьбы.

Такую-же ошибку въ смыслѣ неправильности исторической перспективы Конрадъ Шмидтъ дѣлаетъ и въ отношеніи *соціальной реформы*, отъ которой онъ ждетъ, что она „рука объ руку съ профессиональными коалиціями рабочихъ продиктуетъ классу капиталистовъ условія, на которыхъ послѣдніе могутъ употреблять рабочія силы“. Понимая въ такомъ смыслѣ социальную реформу, Бернштейнъ именуетъ фабричныя законы частью „общественнаго контроля“, а въ качествѣ такового—частью социализма. Конрадъ Шмидтъ употребляетъ повсюду, гдѣ онъ говоритъ о государственной защитѣ труда выраженіе „общественный контроль“ и, превративъ столь благополучно государство въ общество, онъ, уже утѣшившись, прибавляетъ: „т. е. развивающійся рабочій классъ“; съ помощью такой операциі невинныя постановленія германскаго союзнаго совѣта объ охранѣ труда превращаются въ социалистическія переходныя мѣры германскаго пролетаріата.

Мистификація бросается здѣсь въ глаза. Въдъ современное государство—не „общество“ въ смыслѣ развивающагося рабочаго класса, а представитель капиталистическаго общества, т. е. классовое государство. Поэтому и проводимыя имъ социальныя реформы—отнюдь не проявленіе „общественнаго контроля“, т. е. контроля свободно трудящагося общества надъ собственнымъ трудовымъ процессомъ, а проявленіе контроля классовою организациі капитала надъ производственнымъ процессомъ капитала. Здѣсь, т. е. въ интересахъ капитала!

¹⁾ К. Marx, Das Kapital, 3 B., I. S. 216. P. пер. стр. 181.

и лежать естественныя границы социальной реформы. Понятно, какъ Бернштейнъ, такъ и Конрадъ Шмидтъ видятъ въ настоящее время также и здѣсь только „слабую начальную стадію“ и надѣются въ будущемъ на неограниченное развитіе социальныхъ реформъ въ пользу рабочаго класса. Но они впадаютъ при этомъ въ такую же ошибку, какъ и при предположеніи постоянного роста профессиональнаго движенія.

Теорія постепеннаго введенія социализма путемъ социальныхъ реформъ предполагаетъ—и въ этомъ ея центръ тяжести—определенное объективное развитіе какъ капиталистической собственности, такъ и государства. Въ отношеніи первой будущее развитіе, какъ предполагаетъ въ своей схемѣ Конрадъ Шмидтъ, идетъ къ тому, чтобы „путемъ ограниченія собственника капитала въ его правахъ низвести его мало-по-малу до роли администратора“. Въ виду будто бы невозможности разомъ и внезапно экспроприровать средства производства, Конрадъ Шмидтъ создаетъ себѣ теорію *постепенной экспроприации*. Для этой цѣли онъ конструируетъ въ качествѣ необходимой предпосылки теорію расщепленія права собственности на „верховную собственность“, которую онъ предоставляетъ „обществу“, и которая, по его мнѣнію, должна все расширяться, и на „право пользования“, которое въ рукахъ капиталиста превращается съ теченіемъ времени въ простое управленіе. Если это построеніе не больше чѣмъ невинная игра словъ, подъ которой не скрывается ничего серьезнаго, тогда теорія постепенной экспроприации остается голословной; если-же оно представляетъ серьезную схему правового развитія, тогда оно совершенно ошибочно. Отдѣленіе другъ отъ друга содержащихся въ правѣ собственности различныхъ правомочій, къ которому Конрадъ Шмидтъ прибѣгаетъ для доказательства своей теоріи „постепенной экспроприации“ капитала, характерно для общества съ феодально-натуральнымъ хозяйствомъ, когда распределеніе продукта между различными

общественными классами происходило натурой, на основаніи личныхъ отношеній. Распаденіе собственности на различныя части отражало здѣсь заранѣе данную организацию распределенія общественнаго богатства. Съ переходомъ къ товарному производству и съ уничтоженіемъ всѣхъ личныхъ связей между отдѣльными участниками производственнаго процесса упрочилось, наоборотъ, отношеніе между человѣкомъ и вещью—частная собственность. Такъ какъ распределеніе совершается уже не на основаніи личныхъ отношеній, а путемъ обмѣна, то отдѣльныя права на участіе въ общественномъ богатствѣ измѣряются уже не частицами права собственности на общую вещь, а цѣнностью, доставляемой каждымъ на рынокъ.

Первымъ переворотомъ въ правовыхъ отношеніяхъ, сопровождавшимъ появленіе товарнаго производства въ городскихъ общинахъ среднихъ вѣковъ, было образованіе абсолютной замкнутой частной собственности въ лонѣ феодальныхъ правоотношеній, основанныхъ на раздѣленіи собственности. Въ капиталистическомъ производствѣ это развитіе прокладываетъ себѣ дальнѣйшій путь. Чѣмъ дальше идетъ обобществленіе производственнаго процесса, тѣмъ болѣе процессъ распределенія опирается на чистый обмѣнъ и тѣмъ болѣе неприкосновенной и замкнутой становится частная собственность. До тѣхъ поръ пока капиталистъ самъ управляетъ фабрикой, распределеніе до известной степени связано съ личнымъ участіемъ въ процессѣ производства. По мѣрѣ того, какъ личное управленіе фабриканта становится излишнимъ,—а въ акціонерныхъ компаніяхъ это уже совершившійся фактъ,—собственность на капиталъ, въ качествѣ основанія притязаній при распределеніи, совершенно отдѣляется отъ личныхъ отношеній въ производствѣ и проявляется въ своемъ чистѣйшемъ и замкнутомъ видѣ. Въ акціонерномъ капиталѣ и въ промышленномъ кредитномъ капиталѣ капиталистическое право собственности достигаетъ впервые своего полного развитія.

Историческая схема К. Шмидта „отъ собственника на степень

простого администратора“ представляет изъ себя, такимъ образомъ, фактическое развитіе, представленное обратно дѣйствительности, которое, наоборотъ, ведетъ отъ собственника и администратора къ чистому собственнику.

Здѣсь съ К. Шмидтомъ происходитъ то же, что съ Гётте
Was er besitzt, das sieht er wie im weiten
Und was verschwand, wird ihm zu Wirklichkeiten¹⁾

И подобно тому, какъ его историческая схема въ экономическомъ отношеніи идетъ вспять отъ новѣйшихъ акціонерныхъ компаній къ мануфактурной фабрикѣ, или даже къ ремесленнымъ мастерскимъ, точно также въ правовомъ отношеніи она стремится втиснуть капиталистическій міръ въ скорлупу феодально-натурального хозяйства.

Но и съ этой точки зрѣнія „общественный контроль“ является тоже не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ рисуется К. Шмидту. То, что въ настоящее время функционируетъ, какъ „общественный контроль“— охрана труда, надзоръ за акціонерными компаніями и т. д.—фактически не имѣетъ ничего общаго съ участіемъ въ правѣ собственности, съ „верховой собственностью“. Этотъ контроль дѣйствуетъ не въ качествѣ *ограниченія* капиталистической собственности, а, наоборотъ, какъ ея *охрана*. Или, выражаясь экономическимъ языкомъ, онъ является не *вмѣшательствомъ* въ капиталистическую эксплуатацию, а *нормируетъ*, вноситъ извѣстный порядокъ въ эту эксплуатацию. И если Бернштейнъ ставитъ вопросъ, много или мало социализма содержитъ фабричный законъ, то мы можемъ его увѣрить, что самый лучший изъ фабричныхъ законовъ содержитъ въ себѣ столько-же социализма, сколько и постановленіе городской думы о

¹⁾ То, чѣмъ онъ дѣйствительно владѣетъ, представляется ему какъ бы гдѣ-то далеко, далеко, а то, что уже исчезло, онъ принимаетъ за дѣйствительность.

чисткѣ улицъ и зажиганіи газовыхъ фонарей, которое тоже вѣдь есть „общественный контроль“.

4. Таможенная политика и милитаризмъ.

Вторымъ условіемъ постепеннаго введенія социализма является, по Э. Бернштейну, развитіе государства въ общество. Утвержденіе, что современное государство есть классовое государство, сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ. Однако, намъ кажется, что и это положеніе, какъ и все, что имѣетъ отношеніе къ капиталистическому обществу, слѣдовало бы разсматривать не какъ абсолютную и неизмѣняющуюся истину, а съ точки зрѣнія постоянного развитія.

Политическая побѣда буржуазіи превратила государство въ капиталистическое государство. Конечно, само капиталистическое развитіе значительно измѣняетъ природу государства, постоянно увеличивая сферу его вліянія, надѣляя его новыми функціями, особенно въ области экономической жизни, и въ силу этого дѣлая все болѣе необходимымъ его вмѣшательство и контроль. Такимъ образомъ подготавливается будущее сліяніе государства съ обществомъ, т. сказать обратный переходъ къ обществу функцій государства. Соотвѣтственно этому можно говорить также о развитіи капиталистическаго государства въ общество, и, несомнѣнно, въ этомъ смыслѣ Марксъ сказалъ, что охрана труда есть первый видъ сознательнаго вмѣшательства „общества“ въ его социальный жизненный процессъ,—положеніе, на которое ссылается Бернштейнъ.

Но, съ другой стороны, въ государствѣ, благодаря тому же самому капиталистическому развитію, происходитъ и другое измѣненіе. Прежде всего, современное государство, это—организация господствующаго капиталистическаго класса. Если оно въ интересахъ общественнаго развитія беретъ на себя разнородныя, имѣющія общій интересъ функціи, то это происходитъ только потому и по-

стольку, поскольку эти интересы и общественное развитие совпадают въ общемъ съ интересами господствующаго класса. Такъ, напримеръ, въ охранѣ труда капиталисты, какъ классъ, такъ-же непосредственно заинтересованы, какъ и все общество. Но эта гармонія продолжается лишь до извѣснаго момента капиталистическаго развитія. Какъ только развитіе достигло опредѣленной высоты, интересы буржуазіи, какъ класса, и интересы экономической эволюціи, даже въ капиталистическомъ смыслѣ, начинаютъ расходиться. Мы думаемъ, что эта стадія уже наступила, и это выражается въ двухъ важныхъ явленіяхъ современной соціальной жизни: въ *таможенной политикѣ* и *милитаризмѣ*. Оба они—таможенная политика и милитаризмъ—сыграли въ исторіи капитализма свою необходимую и до извѣстной степени прогрессивную революціонную роль. Безъ охранительныхъ пошлинъ не могла появиться въ отдѣльныхъ странахъ крупная промышленность. Но въ настоящее время положеніе вещей иное. Во всѣхъ наиболѣе значительныхъ странахъ, и какъ разъ именно въ тѣхъ, гдѣ особенно развита таможенная политика, капиталистическое производство въ среднемъ достигло почти одинаковыхъ размѣровъ. Съ точки зрѣнія капиталистическаго *развитія*, т. е. съ точки зрѣнія міроваго хозяйства, въ настоящее время совершенно безразлично, вывозятся-ли больше товаровъ изъ Германіи въ Англію, или наоборотъ. Съ точки зрѣнія этого развитія—Морь исполнилъ свою работу, Морь можетъ итти. Больше того, онъ долженъ уйти. При современной взаимной зависимости различныхъ отраслей промышленности охранительныя пошлины на какіе бы то ни было товары должны повисить внутри страны стоимость производства другихъ товаровъ, т. е. подорвать промышленность. Но не таковы интересы *капиталистическаго класса*. Промышленность для своего *развитія* не нуждается въ охранительныхъ пошлинахъ, но зато онѣ нужны предпринимателямъ для охраны своего *сбыта*. Это значитъ, что въ настоящее время пошлины не служатъ болѣе сред-

ствомъ защиты развивающагося капиталистическаго производства противъ другого болѣе развитого, а средствомъ борьбы одной національной группы капиталистовъ противъ другой. Далѣе, пошлины уже не нужны для охраны промышленности, для того, чтобы создать и завоевать внутренній рынокъ; онѣ являются необходимымъ средствомъ для созданія картелей въ промышленности, т. е. для борьбы капиталистическаго производителя съ потребляющимъ обществомъ. Наконецъ, специфическій характеръ современной таможенной политики особенно ярко характеризуется тѣмъ фактомъ, что теперь повсюду рѣшающая роль въ этомъ вопросѣ вообще принадлежитъ не индустріи, а сельскому хозяйству, т. е., иными словами, таможенная политика превратилась собственно въ средство *придать феодалнымъ интересамъ капиталистическую форму и дать имъ проявиться въ такомъ видѣ*.

Тѣ-же самыя измѣненія претерпѣлъ и милитаризмъ. Если мы посмотримъ на исторію не съ точки зрѣнія того, какой она могла и должна быть, если мы разсмотримъ, какой она была на самомъ дѣлѣ, то мы должны будемъ констатировать, что война была необходимымъ факторомъ капиталистическаго развитія. Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Германія, Италія и Балканскія государства, Россія и Польша, вездѣ война сыграла роль условія или послужила толчкомъ капиталистическаго развитія, все равно кончилась ли она побѣдой, или поражениемъ. До тѣхъ поръ пока существовали страны, гдѣ нужно было преодолѣть ихъ внутреннее раздробленіе или замкнутость—продуктъ ихъ натурального хозяйства, милитаризмъ игралъ революціонную роль въ капиталистическомъ смыслѣ. Но въ настоящее время и здѣсь дѣло обстоитъ иначе. Милитаризму не приходится больше открывать капитализму новыхъ странъ. Если Китай и превращается въ настоящее время¹⁾ въ арену грозныхъ

¹⁾ Это писалось въ 1898—99 году.

конфликтовъ, то, очевидно, дѣло идетъ не столько объ открытіи европейскому капитализму доступа въ Китай, сколько о готовыхъ *европейскихъ* противорѣчіяхъ, которыя перенесены въ Китай и тамъ, на китайской почвѣ, только созрѣли до конфликта. И въ настоящее время, какъ въ Европѣ, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта, выступаютъ съ оружіемъ въ рукахъ другъ противъ друга не капиталистическія страны противъ странъ съ натуральнымъ хозяйствомъ, а государства, которыя вступаютъ въ конфликтъ именно благодаря одинаковой степени высоты ихъ капиталистическаго развитія. Для самого этого развитія такой конфликтъ, если онъ разражается, можетъ имѣть при подобныхъ условіяхъ, конечно, только роковое значеніе, безцѣльно вызывая въ данномъ случаѣ глубочайшее потрясеніе и переворотъ въ экономической жизни всѣхъ капиталистическихъ странъ. Но совсѣмъ иначе представляется дѣло, съ точки зрѣнія *класса капиталистовъ*. Для нихъ милитаризмъ въ настоящее время сдѣлался необходимымъ въ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ средство борьбы конкурирующихъ „національных“ интересовъ противъ другихъ національных группъ; во-вторыхъ, какъ важнѣйшій способъ помѣщенія какъ для финансоваго, такъ и для промышленнаго капитала, и въ-третьихъ, какъ орудіе классового господства внутри страны противъ рабочаго класса; но всѣ эти интересы не имѣютъ ничего общаго съ развитіемъ капиталистическаго мірового хозяйства. И что опять таки всего лучше обнаруживаетъ характеръ современнаго милитаризма, это, во-первыхъ, общій ростъ его во всѣхъ странахъ, стремящихся какъ-бы обогнать другъ друга—ростъ, такъ сказать, подъ вліяніемъ собственныхъ, изнутри дѣйствующихъ, механическихъ силъ; это явленіе было еще совершенно неизвѣстно нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Далѣе, характерна неизбѣжность, фатальность приближающагося взрыва и въ то-же время полнѣйшая невозможность заранѣе опредѣлить поводъ, непосредственно заинтересованныя государства, предметъ спора

и другія подробности. Изъ двигателя капиталистическаго развитія милитаризмъ превратился въ капиталистическую болѣзнь.

Въ описанномъ противорѣчьи между общественнымъ развитіемъ и господствующими классовыми интересами государство становится на сторону послѣднихъ. Въ своей политикѣ государство, подобно буржуазіи, вступаетъ въ *противорѣчіе* съ общественнымъ развитіемъ, все болѣе теряя, такимъ образомъ, характеръ представителя всего общества и становясь въ такой-же мѣрѣ чисто *классовымъ* государствомъ. Или, правильнѣе выражаясь, оба эти свойства отдѣляются другъ отъ друга и обостряются во внутреннее противорѣчіе самой сущности государства; и съ каждымъ днемъ это противорѣчіе все болѣе обостряется. Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, постоянно увеличивается кругъ имѣющихъ общій характеръ функций государства, его вмѣшательство въ общественную жизнь и его „контроль“ надъ нею; съ другой стороны, классовый характеръ заставляетъ его все болѣе переносить центръ тяжести своей дѣятельности и всѣ свои средства въ такія области, которыя являются полезными только для классовыхъ интересовъ буржуазіи, для общества-же имѣютъ только отрицательное значеніе; таковы милитаризмъ, таможенная и колониальная политика. Но въ силу этого и его „общественный контроль“ все болѣе проникается классовымъ характеромъ (напр., примѣненіе охраны труда во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Англіи).

Указаннымъ измѣненіямъ, происходящимъ въ самомъ существѣ государства, не противорѣчить, а скорѣе вполне соотвѣтствуетъ, развитіе демократіи, въ которомъ Бернштейнъ также видитъ средство постепеннаго введенія социализма.

По мнѣнію К. Шмидта достиженіе социаль-демократическаго большинства въ парламентѣ есть даже прямой путь къ постепенной социализации общества. Демократическія формы политической жизни представляютъ, несомнѣнно, такое явленіе, въ которомъ сильнѣе всего обнаруживается развитіе государства въ общество, и постольку оно

служить этапомъ къ соціалистическому перевороту. Однако, это противорѣчіе въ самомъ существѣ капиталистическаго государства, охарактеризованное выше, еще ярче проявляется въ современной демократіи. Правда, по формѣ своей, демократія должна именно служить для выраженія въ государственной организаціи интересовъ всего общества; но, на самомъ дѣлѣ, она является выраженіемъ только капиталистическаго общества, т. е. общества, въ которомъ руководящее значеніе имѣютъ *капиталистическіе интересы*. Такимъ образомъ, эти, демократическія по своей формѣ, учрежденія являются, по своему содержанию, орудіемъ господствующихъ классовыхъ интересовъ. Это наиболее рельефно выражается въ томъ фактѣ, что, какъ только демократія проявляетъ тенденцію отречься отъ своего классового характера и обратиться въ орудіе дѣйствительно народныхъ интересовъ, эти самыя демократическія учрежденія приносятся въ жертву буржуазіей и представляющимъ ее государствомъ. При такихъ условіяхъ идея о социаль-демократическомъ большинствѣ въ парламентѣ представляетъ изъ себя расчетъ, принимающій во вниманіе только формальную сторону демократіи и забывающій совершенно о ея реальномъ содержаніи. Демократія-же вообще является не непосредственнымъ соціалистическимъ элементомъ, постепенно пропитывающимъ капиталистическое общество, какъ это полагаетъ Бернштейнъ, а, наоборотъ, специфически капиталистическимъ средствомъ довести капиталистическія противорѣчія до полной зрѣлости и развитія.

Въ виду такого объективнаго развитія государства, положеніе Бернштейна и К. Шмидта о постоянно развивающемся и непосредственно вводящемъ социализмъ „общественномъ контролѣ“ превращается въ фразу, съ каждымъ днемъ все болѣе противорѣчащую дѣйствительности.

Теорія постепеннаго введенія социализма сводится къ постепенному реформированію—въ направленіи къ соціалистическому

строю—капиталистической собственности и капиталистическаго государства. Однако оба они въ силу объективныхъ условій жизни современнаго общества развиваются какъ разъ въ противоположномъ направленіи. Производственный процессъ все болѣе обобществляется и вмѣшательство, контроль государства, надъ этимъ процессомъ становится все шире; но въ то же самое время капиталистическая частная собственность становится все болѣе замкнутой и неприкосновенной, а государственный контроль все болѣе проникается исключительно классовыми интересами. Такимъ образомъ, государство, т. е. *политическая* организація, и отношенія собственности, т. е. *правовая* организація капитализма, по мѣрѣ развитія приобрѣтая все болѣе *капиталистическій*, а не соціалистическій характеръ, ставятъ теоріи постепеннаго введенія социализма два непреодолимыхъ препятствія.

Идея Фурье—сразу путемъ системы фаланстеръ превратить всю морскую воду земного шара въ лимонадъ—была очень фантастична; но идея Бернштейна превратить море капиталистической горечи, постепенно подливая социаль-реформаторскаго лимонада въ море соціалистической сладости только болѣе нелѣпа, но ничуть не менѣе фантастична.

Производственныя отношенія капиталистическаго общества все болѣе приближаются къ соціалистическому, но зато его политическія и правовыя отношенія воздвигаютъ все болѣе высокую стѣну между капиталистическимъ и соціалистическимъ обществомъ. Но социальныя реформы и развитіе демократіи не пробьютъ брешь въ этой стѣнѣ, а, наоборотъ, сдѣлаютъ эту стѣну еще выше и крѣпче. Только ударъ молота революціи, т. е. захватъ политической власти пролетаріатомъ, можетъ разрушить эту стѣну.

5. Практическіе выводы и общій характеръ теоріи.

Въ первой части мы старались доказать, что теорія Бернштейна переноситъ социалистическую программу съ почвы матеріальной на идеалистическую. Это относится къ теоретическому обоснованію. Какова же эта теорія въ примѣненіи ея на практикѣ? Съ перваго взгляда и формально она ничѣмъ не отличается отъ обычной практики социаль-демократической борьбы. Профессиональные союзы, борьба за социальныя реформы и демократизацію политическихъ учреждений,—вѣдь все это составляетъ также содержаніе партійной дѣятельности социаль-демократовъ. Слѣдовательно, разница не въ *содержаніи*, а въ *формѣ*. При настоящемъ положеніи вещей профессиональная и парламентская борьба разсматривается, какъ средство политически воспитать пролетаріатъ и постепенно привести его къ захвату политической власти. По взглядамъ же Бернштейна, въ виду невозможности и бесполезности такого захвата вышеупомянутая борьба должна вестись только ради *непосредственныхъ* результатовъ, т. е. для поднятія матеріальнаго положенія рабочихъ, постепеннаго ограниченія капиталистической эксплоатаціи и расширенія общественнаго контроля. Если не говорить о цѣли непосредственнаго улучшенія положенія рабочаго класса, которая обща обѣимъ теоріямъ,—какъ теоріи принятой до сихъ поръ партіей, такъ и теоріи Бернштейна,—то вся разница, коротко говоря, выражается въ слѣдующемъ: по общепринятому взгляду, социалистическое значеніе профессиональной и политической борьбы состоитъ въ томъ, что она подготавливаетъ пролетаріатъ, т. е. *субъективный факторъ* социалистическаго переворота, къ проведенію этого переворота. По мнѣнію Бернштейна, оно состоитъ въ томъ, чтобы путемъ профессиональной и политической борьбы постепенно ограничивать самое капиталистическую эксплоатацію, постепенно лишать капиталистическое общество его капиталистическаго характера и придать ему характеръ социалистическій,

однимъ словомъ, осуществить въ *объективномъ* смыслѣ социалистическій переворотъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оба эти взгляда оказываются прямо противоположными другъ другу. По общепринятому партійному взгляду, при помощи профессиональной и политической борьбы пролетаріатъ приводится къ убѣжденію, что путемъ такой борьбы немыслимо существенно улучшить его положеніе, и что неизбеженъ въ концѣ концовъ захватъ политической власти. Теорія Бернштейна, исходя изъ невозможности захвата политической власти, предполагаетъ возможность введенія социалистическаго строя при помощи только профессиональной и политической борьбы.

Такимъ образомъ, признаніе теоріей Бернштейна социалистическаго характера профессиональной и парламентской борьбы объясняется вѣрой въ ея постепенное социализирующее вліяніе на капиталистическое хозяйство. Но такое вліяніе, какъ мы старались показать, существуетъ только въ воображеніи. Капиталистическіе институты собственности и государства развиваются въ совершенно противоположномъ направленіи; но въ такомъ случаѣ повседневная практическая борьба социаль-демократіи теряетъ въ концѣ концовъ вообще всякое отношеніе къ социализму. Громадное социалистическое значеніе профессиональной и политической борьбы состоитъ въ томъ, что она дѣлаетъ социалистическими *понятія*, сознаніе рабочаго класса. Другое дѣло, если разсматривать ее, какъ средство прямой социализаціи капиталистическаго хозяйства: въ этомъ случаѣ она не только не можетъ оказать приписываемаго ей вліянія, но и лишается единственно возможнаго социальнаго значенія — перестаетъ служить средствомъ подготовленія рабочаго класса къ пролетарской революціи.

Поэтому, полнѣйшимъ недоразумѣніемъ являются успокоительныя заявленія Бернштейна и К. Шмидта, будто переносъ борьбу въ область социальныхъ реформъ и профессиональныхъ

союзовъ, они не лишаютъ рабочаго движенія его конечной цѣли, такъ какъ-де всякій шагъ на этомъ пути требуетъ слѣдующаго, и, такимъ образомъ, социалистическая цѣль остается въ движеніи въ качествѣ его тенденции. Это, конечно, совершенно справедливо для современной тактики нѣмецкой социаль-демократіи, т. е. при томъ условіи, что профессиональной и социаль-реформаторской борьбѣ предшествуетъ, какъ путеводная звѣзда, сознательное и твердое стремленіе къ завоеванію политической власти. Но если отдѣлить это стремленіе отъ движенія и превратить социальную реформу въ самоцѣль, то она на самомъ дѣлѣ не только не приведетъ къ осуществленію социалистической конечной цѣли, а скорѣе къ противоположнымъ результатамъ. Конрадъ Шмидтъ полагается попросту на, такъ сказать, механическое движеніе, которое, разъ начавшись, уже не можетъ само собой остановиться; онъ основывается на томъ простомъ положеніи, что аппетитъ приходитъ во время ѣды, и что рабочій классъ никогда не удовлетворится реформами, пока не совершится социалистическій переворотъ. Последнее предположеніе вѣрно, и за это намъ ручается недостаточность самихъ капиталистическихъ социальныхъ реформъ; но сдѣланный отсюда выводъ могъ бы быть вѣренъ только въ томъ случаѣ, если бы возможно было создать непрерывную цѣпь постоянно растущихъ и развивающихся социальныхъ реформъ, непосредственно соединяющую настоящій строй съ социалистическимъ. Но это—фантазія: эта цѣпь силою вещей очень скоро должна оборваться, и движеніе можетъ принять тогда различныя направленія.

Тогда всего скорѣе и вѣроятнѣе измѣнится тактика въ томъ смыслѣ, что всѣми средствами стануть добиваться практическихъ результатовъ борьбы—социальныхъ реформъ. Непримируемая, суровая классовая точка зрѣнія, имѣющая смыслъ только при стремленіи къ завоеванію политической власти, пріобрѣтаетъ все больше и больше значеніе отрицательной силы, какъ только непосредственно практиче-

скіе результаты являются главной цѣлью движенія; слѣдовательно, ближайшимъ шагомъ въ такомъ случаѣ является политика компенсаций, политика примиреній и государственной мудрости. Но при такихъ условіяхъ движеніе не въ состояніи постоянно сохранять равновѣсіе. Разъ социальная реформа въ капиталистическомъ мірѣ всегда была и останется пустымъ орѣхомъ, то, какую бы тактику мы ни примѣняли, ея слѣдующимъ логическимъ шагомъ будетъ разочарованіе въ социальной реформѣ, т. е. въ той тихой пристани, гдѣ бросилъ якорь Шмоллеръ и К^о, послѣ того какъ онъ, объѣхавъ по социаль-реформаторскимъ водамъ весь свѣтъ, рѣшилъ предоставить все волѣ Божьей. Итакъ, социализмъ не представляетъ изъ себя внутренней тенденции повседневной борьбы рабочаго класса, а лежитъ лишь, съ одной стороны, во все болѣе обостряющихся объективныхъ противорѣчій капиталистическаго хозяйства, съ другой стороны, въ субъективномъ сознаніи рабочаго класса неизбежности устраненія этихъ противорѣчій только путемъ социального переворота. Если отрицать первое и отбросить второе, какъ это дѣлаетъ Бернштейнъ въ своей теоріи, то сейчасъ же все движеніе сведется къ простому профессионализму и социаль-реформаторству, а затѣмъ собственная сила тяжести приведетъ и къ отказу отъ классовой точки зрѣнія.

Эти выводы вполне подтверждаются и въ томъ случаѣ, если разсматривать теорію Бернштейна еще съ другой точки зрѣнія и поставить себѣ вопросъ: каковъ общій характеръ этой теоріи? Ясно, что Бернштейнъ не стоитъ на почвѣ капиталистическихъ отношеній и не отрицаетъ вмѣстѣ съ буржуазными экономистами противорѣчій этихъ отношеній. Болѣе того, въ своей теоріи онъ, какъ и марксистская теорія, исходитъ изъ этихъ противорѣчій. Но съ другой стороны—и это составляетъ какъ главное ядро его разсужденій вообще, такъ и основное отличіе отъ принятой социаль-демократической теоріи—онъ не опирается въ своей теоріи на *уничтоженіе* этихъ противорѣчій путемъ ихъ собственнаго послѣдовательнаго развитія.

Его теорія занимает средину между двумя крайностями; онъ не хочетъ, чтобы противорѣчія достигли полной зрѣлости съ тѣмъ, чтобы путемъ революціоннаго переворота *уничтожить* ихъ; наоборотъ, онъ стремится обломать ихъ остріе, *притупить* ихъ. Такъ, согласно его теоріи, прекращеніе кризисовъ и организаціи предпринимателей должны притупить противорѣчіе между производствомъ и обмѣномъ; поднятіе положенія пролетаріата и дальнѣйшее существованіе средняго сословія должны притупить противорѣчіе между трудомъ и капиталомъ, а возрастающій контроль и демократія уменьшать противорѣчіе между классовымъ государствомъ и обществомъ.

Понятно, и общепринятая тактика социаль-демократіи также не состоитъ въ томъ, чтобы дожидаться развитія противорѣчій до высшей точки и тогда уничтожить ихъ путемъ переворота. Наоборотъ, опираясь на заранѣе данное *направленіе* развитія, она затѣмъ доводитъ въ политической борьбѣ его выводы до крайнихъ предѣловъ; она предвосхищаетъ ихъ, такъ сказать, учитываетъ дальнѣйшее объективное развитіе и въ каждый данный моментъ стоитъ на почвѣ вполне развившихся противорѣчій: вѣдь въ этомъ вообще состоитъ сущность всякой революціонной тактики. Такъ, напримѣръ, социаль-демократія борется съ пошлинами и милитаризмомъ и тогда, когда они играютъ еще революціонную роль въ капиталистическомъ развитіи. Бернштейнъ же въ своей тактикѣ исходитъ вообще не изъ дальнѣйшаго развитія и обостренія капиталистическихъ противорѣчій, а изъ притупленія ихъ. Онъ самъ наиболѣе удачно охарактеризовалъ это, говоря о „приспособленіи“ капиталистическаго хозяйства. Когда такой взглядъ могъ бы быть правиленъ? Всѣ противорѣчія современнаго общества представляютъ изъ себя простой результатъ капиталистическаго способа производства. Если мы предположимъ, что этотъ способъ производства будетъ развиваться дальше въ томъ же направленіи, какъ и теперь, то вмѣ-

стѣ съ нимъ неразрывно должны развиваться и всѣ связанныя съ нимъ послѣдствія, т. е. противорѣчія должны становиться болѣе рѣзкими, обостряться, а не притупляться. Притупленіе противорѣчій предполагаетъ, напротивъ, что и капиталистическій способъ производства задерживается въ своемъ развитіи. Однимъ словомъ, наиболѣе общей предпосылкой теоріи Бернштейна является *пріостановка капиталистическаго развитія*.

Но этимъ самымъ его теорія сама и произноситъ надъ собой приговоръ и даже двойной приговоръ. Прежде всего она обнаруживаетъ свой *утопическій* характеръ по отношенію къ социалистической конечной цѣли—(вполнѣ понятно, что пріостановленный въ своемъ развитіи капитализмъ не можетъ вести къ социалистическому перевороту)—и это подтверждаетъ наше представленіе о практическихъ выводахъ изъ этой теоріи. Во-вторыхъ, она обнаруживаетъ свой *реакціонный* характеръ въ отношеніи къ быстро развертывающемуся на самомъ дѣлѣ процессу капиталистическаго развитія. Вслѣдствіе этого возникаетъ вопросъ: какъ объяснить, или вѣрнѣе, какъ охарактеризовать теорію Бернштейна, если считается съ фактическимъ развитіемъ капитализма?

Что экономическія предпосылки, изъ которыхъ исходитъ Бернштейнъ въ своемъ анализѣ современныхъ социальныхъ отношеній,—его теорія „приспособленія“ капитализма,—ни на чемъ не основаны, это мы, смѣемъ думать, доказали въ первой части. Мы видѣли, что ни кредитъ, ни картели не могутъ быть признаны средствомъ „приспособленія“ капиталистическаго хозяйства, что ни отсутствіе кризисовъ, ни продолжающееся существованіе средняго сословія нельзя считать симптомами капиталистическаго приспособленія. Но всѣ эти упомянутыя детали теоріи приспособленія, помимо ихъ явной ошибочности, отличаются еще одной общей характерной чертой. Эта теорія рассматриваетъ всѣ интересующія ее явленія экономической жизни не какъ органическія части взятаго въ цѣломъ

процесса капиталистического развития, не въ ихъ связи со всѣмъ хозяйственнымъ механизмомъ, а вырванными изъ этой связи, самостоятельно, какъ *dissecta membra* (разрозненные части) мертвой машины. Возьмемъ, напр., теорію о приспособляющемъ вліяніи *кредита*. Если разсматривать кредитъ какъ естественно развившуюся болѣе высокую ступень обмѣна и въ связи со всѣми свойственными капиталистическому обмѣну противорѣчіями, то нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть въ немъ какое то стоящее внѣ процесса обмѣна механическое „средство приспособленія“ точно такъ-же, какъ нельзя назвать деньги, какъ таковыя, товаръ, капиталъ „средствами приспособленія“ капитализма. Но вѣдь на извѣстной ступени развитія капиталистического хозяйства кредитъ ни чуть не менѣе денегъ, товара и капитала является его органическимъ членомъ и на этой ступени онъ, опять таки подобно имъ, представляетъ изъ себя необходимую часть механизма этого хозяйства и орудіе разрушенія, такъ какъ кредитъ усиливаетъ и воспроизводитъ его внутреннія противорѣчія.

То-же самое можно сказать о картеляхъ и объ усовершенствованныхъ средствахъ сообщенія.

Та же механическая и недіалектическая точка зрѣнія проявляется и далѣе, когда Бернштейнъ принимаетъ отсутствіе кризисовъ за симптомъ „приспособленія“ капиталистического хозяйства. Для него кризисы представляютъ попросту разстройство хозяйственного механизма, а разъ ихъ нѣтъ, механизмъ можетъ, конечно, функционировать безпрепятственно. Но фактически кризисы не являются „разстройствомъ“ въ собственномъ смыслѣ, или вѣрнѣе, это—дефектъ, безъ котораго капиталистическое хозяйство не можетъ вообще обойтись. А если вѣрно, что кризисы, выражаясь кратко, представляютъ изъ себя единственно возможный на капиталистической почвѣ, и потому совершенно нормальный, методъ періодическаго разрѣшенія противорѣчія между неограниченной способностью развитія

производительныхъ силъ и узкими границами ихъ примѣненія, то ихъ слѣдуетъ признать органическими явлениями, неотдѣлимыми отъ капиталистического хозяйства во всей его совокупности.

Въ „свободномъ отъ замѣшательства“ ходѣ капиталистического производства заключается для него болѣшая опасности, чѣмъ даже самые кризисы. Вѣдь постоянное паденіе нормы прибыли, вытекающее не изъ противорѣчія между производствомъ и обмѣномъ, а изъ развитія производительности самого труда, имѣетъ очень опасную тенденцію дѣлать невозможнымъ производство для всѣхъ мелкихъ и среднихъ капиталовъ и препятствовать образованію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и развитію новыхъ капиталовъ. Именно кризисы, являющіеся другимъ слѣдствіемъ того же самаго процесса, путемъ періодическаго *обезцѣнниванія* капитала, удешевленія средствъ производства и парализованія части дѣятельнаго капитала вызываютъ одновременно повышеніе прибыли, освобождая новымъ капиталамъ мѣсто въ производствѣ и содѣйствуя, такимъ образомъ, развитію послѣдняго. Они являются поэтому средствомъ раздуть потухающій огонь капиталистическаго развитія, и ихъ отсутствіе—не для какой нибудь опредѣленной фазы развитія мірового рынка, какъ это полагаемъ мы, а отсутствіе вообще—привело бы скоро капиталистическое хозяйство не къ расцвѣту, какъ думаетъ Бернштейнъ, а прямо къ гибели. Благодаря механическому способу пониманія, которое характеризуетъ всю теорію приспособленія, Бернштейнъ не обращаетъ вниманія ни на положительное значеніе кризисовъ, ни на децентрализирующую тенденцію капитала; этимъ объясняется, между прочимъ, что постоянное возрожденіе мелкихъ капиталовъ представляется ему признакомъ капиталистическаго затишья, а не нормальнаго развитія капитализма, какъ это есть на самомъ дѣлѣ.

Существуетъ, правда, точка зрѣнія, съ которой всѣ разсмотрѣнные явленія представляются дѣйствительно въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ рисуетъ теорія приспособленія. Это—точка зрѣнія *отдѣль-*

ных капиталистов, которые познают факты экономической жизни извращенными под влиянием законов конкуренции. Каждый капиталист в отдельности, действительно, прежде всего видит в каждом органическом члене хозяйственного целого нечто совершенно самостоятельное; далее, он видит их только с той стороны, как они воздействуют на него, отдельного капиталиста, т. е. видит в них только „задержки“ или „средства приспособления“. Для отдельного капиталиста кризисы, действительно, только „задержки“, и их прекращение гарантирует капиталисту более продолжительное существование; точно также кредит для него есть средство „приспособлять“ свои недостаточные производительные силы к требованиям рынка; наконец, для него картель, в который он вступает, действительно устраняет анархию производства.

Одним словом, теория приспособления Бернштейна есть не более, как теоретическое обобщение хода мысли отдельного капиталиста. Но не представляет ли из себя этот ход мысли, теоретически выраженный, самой характерной сущности буржуазной вульгарной экономии? Все экономические ошибки этой школы покоятся именно на том недоразумении, что в явлениях конкуренции, рассматриваемых ими с точки зрения отдельных капиталистов, они видят явления, свойственные вообще капиталистическому хозяйству в его целом. И подобно тому, как Бернштейн смотрит на кредит, так вульгарная экономия смотрит на деньги, как на остроумное „средство приспособления“ к потребностям обмена. В самих явлениях капитализма она ищет противоядия от капиталистического зла; она вводит вместе с Бернштейном в возможность регулировать капиталистическое хозяйство и она, подобно Бернштейну, в конце концов постоянно прибегает к теории притупления капиталистических противоречий, к пластырю для капиталистических рань, другими словами — к реакционным, а

не революционным приемам, т. е. к утопии. Итак, всю теорию Бернштейна можно характеризовать следующим образом: теория Бернштейна это — теория социалистического зстоя, обоснованная в духе вульгарных экономистов на теории зстоя капиталистического.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ¹⁾.

1. Экономическое развитие и социализм.

Самым крупным приобретением в развитии пролетарской классовой борьбы было открытие исходных точек приложения для осуществления социализма в *экономических отношениях* капиталистического общества. Благодаря этому открытию социализм из „идеала“, каким он являлся для человечества в течение тысячелетий, превратился в *историческую необходимость*.

Бернштейн оспаривает существование этих экономических предпосылок социализма в современном обществе, но при этом сам в своих доказательствах продвигает очень интересную эволюцию. Вначале он в „Neue Zeit“ отрицал только быстроту концентрации в индустрии, опираясь при этом на сравнение данных промышленной статистики Германии за 1895 и 1882 г.г. Но чтобы использовать эти данные для своих целей, ему пришлось прибегнуть к чисто-суммарным механическим приемам. Однако и в лучшем случае Бернштейну своими указаниями на устойчивость средних производств не удалось ни на йоту поколебать анализ Маркса, так как последний не ставит условием осуществления социализма ни определенного темпа концентрации промышленности, иначе говоря, не устанавливает определенного *срока* для

¹⁾ По поводу книги Эд. Бернштейна: Die Voraussetzungen d. Sozialismus u. die Aufgabe d. Sozialdemokratie.

осуществленія конечной цѣли социализма, ни *абсолютнаго* исчезновенія мелкихъ капиталовъ или мелкой буржуазіи, какъ это мы показали выше.

При дальнѣйшемъ развитіи своихъ взглядовъ Бернштейнъ для доказательства ихъ справедливости приводитъ въ своей книги новый матеріалъ—*статистику акціонерныхъ обществъ*, которая должна показать, что число акціонеровъ постоянно увеличивается, а слѣдовательно, классъ капиталистовъ не уменьшается, а наоборотъ, становится все многочисленнѣе. Прямо поразительно, до чего мало Бернштейнъ знакомъ съ имѣющимся матеріаломъ и до чего плохо онъ умѣетъ использовать его въ своихъ интересахъ!

Если онъ думалъ съ помощью акціонерныхъ обществъ доказать что-либо противное марксову закону промышленнаго развитія, то ему слѣдовало привести совсѣмъ другія цифры. Всякій, кто знакомъ съ исторіей устройства акціонерныхъ обществъ въ Германіи, знаетъ, что основной капиталъ, приходящійся въ среднемъ на одно предпріятіе, почти правильно уменьшается. Такъ, до 1871 г. этотъ капиталъ составлялъ около 10,8 милліоновъ марокъ, въ 1871 году только 4,01 м. марокъ, въ 1873 г.—3,8 м. марокъ, въ 1883—1887 г.г. менѣе одного милліона марокъ, въ 1891 г. только 0,56 мил. марокъ, въ 1892 г.—0,62 мил. марокъ; затѣмъ эта сумма повышается на 1 мил. марокъ, но съ 1,78 мил. мар. 1895 г. снова опускается въ первой половинѣ 1897 г. до 1,19 мил. мар.¹⁾

Поразительныя цифры! На основаніи ихъ Бернштейнъ, вѣроятно, вывелъ бы въ противовѣсъ Марксу тенденцію перехода отъ крупной промышленности назадъ къ мелкой. Но въ такомъ случаѣ всякій могъ бы возразить ему: если вы хотите что либо доказать этой статистикой, то вы прежде всего должны показать, что она относится къ *однимъ и тѣмъ же* отраслямъ промышленности, и что именно въ нихъ мелкія предпріятія заняли мѣсто прежнихъ круп-

¹⁾ Von der Borght, Handwörterbuch d. Staatswissenschaften J.

ныхъ, а не появились тамъ, гдѣ до этого момента не было ничего, или имѣлись только ремесленные или карликовыя предпріятія. Но это вамъ не удастся доказать, такъ какъ переходъ отъ громадныхъ акціонерныхъ предпріятій къ среднимъ и мелкимъ можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что акціонерное дѣло проникаетъ постоянно въ *новыя* отрасли промышленности, и что, если оно вначалѣ годилось только для небольшого количества колоссальныхъ предпріятій, то теперь оно все больше приспособляется къ среднимъ и даже мелкимъ производствамъ (встрѣчаются даже акціонерныя общества съ капиталомъ менѣе 1000 мар.!).

Но что означаетъ, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, это все возрастающее распространеніе акціонерныхъ предпріятій? Оно указываетъ на *развивающуюся обобществленіе производства* въ капиталистической формѣ, обобществленіе не только гигантскихъ, но и среднихъ и даже мелкихъ производствъ, слѣдовательно, указываетъ на явленіе, не только не противорѣчащее теоріи Маркса, но наоборотъ, самымъ блестящимъ образомъ ее подтверждающее.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ является акціонерное предпріятіе съ экономической стороны? Во-первыхъ—соединеніе многихъ небольшихъ денежныхъ капиталовъ въ одинъ производительный капиталъ, въ одну хозяйственную единицу; во-вторыхъ—отдѣленіе производства отъ собственности на капиталъ, слѣдовательно, двойную побѣду надъ капиталистическимъ способомъ производства—но на почвѣ капитализма. Но что означаетъ въ такомъ случаѣ большое количество участниковъ въ одномъ предпріятіи, о которомъ говоритъ статистика Бернштейна? Только то, что въ настоящее время одно капиталистическое предпріятіе связано не съ однимъ собственникомъ капитала, какъ прежде, а со все возрастающимъ числомъ капиталистовъ, что, такимъ образомъ, экономическое понятіе „капиталистъ“ не покрывается понятіемъ „человѣкъ“, что современный капиталистъ есть лицо собирательное, которое состоитъ изъ сотенъ, даже изъ тысячъ лицъ,

что категория „капиталист“ даже въ рамках капиталистическаго хозяйства становится общественной, *обобществляется*.

Но въ такомъ случаѣ какъ объясняется, что Бернштейнъ разсматриваетъ феноменъ акціонерныхъ обществъ не какъ концентрацію капитала, а наоборотъ, какъ раздробленіе его, что онъ видитъ развитіе собственности на капиталъ тамъ, гдѣ Марксъ видитъ „уничтоженіе этой собственности?“ Это можно объяснить очень простой ошибкой вулгарной экономіи: Бернштейнъ понимаетъ подъ капиталистомъ не категорию производства, а права собственности, не экономическую, а податную единицу, а подъ капиталомъ—не производственное цѣлое, а просто денежное имущество. Поэтому онъ видитъ въ своемъ англійскомъ ниточномъ трестѣ не сліяніе 12.300 лицъ въ одно лицо, а цѣлыхъ 12.300 капиталистовъ; поэтому же онъ въ своемъ инженерѣ Шульцѣ, получившемъ за женой отъ рантье Миллера „значительное число акцій“, тоже видитъ одного капиталиста; поэтому *весь свѣтъ у него кишить „капиталистами“*¹⁾.

1) Notabene! Бернштейнъ считаетъ, очевидно, большое распространеніе мелкихъ акцій доказательствомъ того, что общественное богатство начинаетъ изливать свою благодать—въ формѣ акцій—уже и на совсѣмъ маленькихъ людей. На самомъ дѣлѣ, кто, кромѣ мелкаго буржуа или даже рабочаго, приобрѣлъ бы, напр., акцію, стоящую такой пустякъ, какъ 1 ф. стерл. или 20 марокъ! Къ сожалѣнію, это предположеніе покоится на обыкновенной арифметической ошибкѣ: опираются съ номинальной цѣной акціи, вмѣсто ея рыночной цѣны, а это не одно и тоже. Возьмемъ примѣръ. На горнопромышленной биржѣ продаются, въ числѣ прочихъ, и акціи рудниковъ южно-африканскаго побережья; номинальная цѣна этихъ акцій, какъ большинства горнопромышленныхъ акцій—1 ф. ст. = 20 мар. Но въ настоящее время ихъ цѣна равняется 43 ф. (см. биржевой бюллетень въ концѣ марта), т. е. не 20 мар., а 860! То же самое наблюдается въ общемъ повсюду. Слѣдовательно, „мелкія“ акціи, хотя это звучитъ и очень демократически, на самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ являются средне-буржуазными, а ни въ какомъ случаѣ не мелко-буржуазными, или тѣмъ болѣе пролетарскими „ассигновками на полученіе общественнаго богатства“, такъ какъ по номинальной цѣнѣ онѣ приобретаются только самой небольшой частью акціонеровъ.

Но здѣсь, какъ всегда, ошибка вулгарной экономіи является у Бернштейна только теоретической основой для того, чтобы вулгаризировать социализмъ. Переносъ понятіе капиталистъ изъ производственныхъ отношеній въ отношенія собственности и „вмѣсто предпринимателя говоря о человѣкѣ“, Бернштейнъ переноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о социализмѣ изъ области производства въ область имущественныхъ отношеній, изъ отношеній *капитала и труда* въ отношенія *богатства и бѣдности*. Это благополучно приводитъ насъ обратно отъ Маркса и Энгельса къ автору „Евангелія бѣднаго грѣшника“ съ тѣмъ лишь отличіемъ, что Вейтлингъ правильнымъ пролетарскимъ инстинктомъ распозналъ, въ примитивной формѣ, въ этомъ противорѣчии между богатствомъ и бѣдностью классовыя противорѣчія и хотѣлъ сдѣлать его рычагомъ социалистическаго движенія; Бернштейнъ же, напротивъ, видитъ надежду на социализмъ въ превращеніи бѣдныхъ въ богатыхъ, т. е. въ затушевываніи классовыхъ противорѣчій, слѣдовательно, въ мелко-буржуазныхъ приемахъ.

Правда, Бернштейнъ не ограничивается подходной статистикой. Онъ приводитъ намъ также промышленную статистику даже не одной, а нѣсколькихъ странъ: Германіи и Франціи, Англии и Швейцаріи, Австріи и Соединенныхъ Штатовъ. Но что это за статистика! Это не сравнительныя цифры *различныхъ* періодовъ одной какой-нибудь страны, а цифры, относящіяся къ одному періоду въ различныхъ странахъ. За исключеніемъ Германіи, гдѣ онъ повторяетъ свое старое сопоставленіе 1895 и 1882 г., онъ сравниваетъ не состояніе группъ предприятий одной какой-нибудь страны въ различные моменты, а только абсолютныя цифры, относящіяся къ различнымъ странамъ (къ Англии за 1891 г., Франціи за 1894 г., Соединеннымъ Штатамъ за 1890 г. и т. д.). Выводъ, къ которому онъ приходитъ, тотъ, „что если крупное производство въ промышленности фактически и имѣетъ въ настоящее время перевѣсъ, то въ немъ занято, считая и всѣ связанныя съ нимъ производства, даже

въ такой развитой странѣ, какъ Пруссія, тахіміш *только половина всего населенія, занятаго вообще въ производствѣ;*“ то же самое во всей Германіи, Англии, Бельгіи и т. д.

Этимъ онъ, очевидно, устанавливаетъ не ту или другую тенденцію *экономическаго развитія*, а только *количественное* соотношение различныхъ формъ предприятий или различныхъ профессиональныхъ группъ. Если это должно доказать безнадежность социализма, то такой способъ доказательствъ основывается на теории, по которой исходъ социальныхъ стремленій зависитъ отъ численнаго физического соотношенія силъ борющихся, т. е. просто отъ физической силы. Здѣсь Бернштейнъ, вездѣ и повсюду громащій бланкизмъ, самъ впадаетъ для разнообразія въ грубѣйшую ошибку бланкистовъ, правда, опять съ той разницей, что бланкисты, въ качествѣ социалистовъ и революціонеровъ, предполагали, какъ нѣчто само собой понятное, экономическую осуществимость социализма, и строили на этомъ надежды на насильственную революцію, предпринятую хотя бы небольшимъ меньшинствомъ, между тѣмъ какъ Бернштейнъ, наоборотъ, изъ недостаточно значительнаго численнаго превосходства народныхъ массъ дѣлаетъ выводъ объ экономической безнадежности социализма. Соціалъ-демократія не связываетъ своей конечной цѣли ни съ насильственной побѣдой меньшинства, ни съ численнымъ превосходствомъ большинства; она исходитъ изъ экономической необходимости и пониманія этой необходимости, которая ведетъ къ уничтоженію капитализма народной массой и которая прежде всего выражается въ *капиталистической анархіи*.

Что касается этого послѣдняго рѣшающаго вопроса объ анархіи въ капиталистическомъ хозяйствѣ, то самъ Бернштейнъ отрицаетъ только большіе и всеобщіе кризисы, а не частичные и національные. Этимъ онъ отрицаетъ только слишкомъ большую анархію, признавая въ то же время существованіе ея въ небольшомъ объемѣ. Капиталистическое хозяйство напоминаетъ у Бернштейна—выражаясь

словами Маркса—ту глупую дѣвушку, у которой оказался „только очень маленькій ребенокъ“. Роковое значеніе имѣетъ то, что въ такихъ вещахъ, какъ анархія, и мало и много одинаково скверно. Разъ Бернштейнъ признаетъ немного анархіи, то уже механизмъ товарнаго хозяйства самъ позаботится, чтобы усилить эту анархію до ужасныхъ размѣровъ—до крушенія. Но если Бернштейнъ надѣется, сохранивъ товарное производство, постепенно растворить эту маленькую анархію въ порядкѣ и гармоніи, то онъ снова впадаетъ въ одну изъ самыхъ коренныхъ ошибокъ буржуазной вульгарной экономіи, такъ какъ разсматриваетъ способъ обмѣна, какъ нѣчто независимое отъ способа производства¹⁾.

1) Бернштейнъ, правда, довольно подробно отвѣчаетъ на нѣкоторые пункты первой части этой брошюры, но самый способъ отвѣта только обнаруживаетъ затруднительность его положенія. Такъ, напр., въ отвѣтъ на нашу критику по поводу его отрицанія кризисовъ, онъ отдѣляется попытками убѣдить насъ въ томъ, что мы превратили всю теорію Маркса о кризисахъ въ „музыку будущаго“. Но это значить слишкомъ свободно толковать наши слова, такъ какъ мы говорили только, что правильная механическая *периодичность* кризисовъ, точнѣе—десятилѣтній циклъ кризисовъ, представляетъ схему, соответствующую лишь вполне развитому мировому рынку. Что же касается *содержанія* марксовой теоріи кризисовъ, то мы назвали его единственно научной формулировкой механизма и внутреннихъ экономическихъ причинъ *всѣхъ* до сихъ поръ бывшихъ кризисовъ. Еще поразительнѣе отвѣты Бернштейна на другіе пункты нашей критики. Такъ, напр., на наше указаніе, что картели не могутъ служить средствомъ противъ капиталистической анархіи, такъ какъ—(это доказываетъ сахарная промышленность)—они вызываютъ только усиленную конкуренцію на мировомъ рынкѣ, Бернштейнъ говоритъ, что это хотя и справедливо, но зато эта усиленная сахарная конкуренція создала въ Англии обширное производство желе и мармелада. Этотъ отвѣтъ напоминаетъ намъ упражненія въ первой части самоучителя Оллендорфа: „Рукавъ коротокъ, но сапогъ узокъ. Отецъ великъ, но мать легла спать“.

Съ такой же логичностью Бернштейнъ отвѣчаетъ на наши доказательства, что и кредитъ не можетъ служить „средствомъ приспособленія“ про-

Здѣсь не мѣсто приводить во всей ея полнотѣ ту поразительную спутанность самыхъ элементарныхъ принциповъ политической экономіи, которую проявилъ Бернштейнъ въ своей книгѣ. Но на одномъ пунктѣ, къ которому насъ приводитъ основной вопросъ капиталистической анархіи слѣдуетъ вкратцѣ остановиться.

Бернштейнъ называетъ марковъ законъ трудовой цѣнности простой абстракціей, что для него въ политической экономіи, очевидно, равносильно ругательству. Но если трудовая цѣнность не болѣе какъ абстракція, какъ „мысленный образъ“, тогда всякій честный бюргеръ, отбывшій воинскую повинность и уплатившій подати, имѣетъ такое же право, какъ и Марксъ, состряпать изъ лубой нелѣпости подобный „мысленный образъ“, т. е. законъ цѣнности. „Такъ же, какъ школь Бемъ-Джевонса дозвоительно отвлечься отъ всѣхъ свойствъ товаровъ кромѣ полезности, и Марксъ съ самаго начала имѣлъ право не принимать во вниманіе свойствъ товаровъ настолько, что они въ концѣ концовъ превратились въ простое овеществленіе массъ простого человѣческаго труда“ (рус. перев. стр. 73).

тивъ капиталистической анархіи, такъ какъ онъ скорѣе еще увеличиваетъ эту анархію: кредитъ рядомъ съ разрушительными обладаетъ также и положительными „возстановляюще-созидательными“ свойствами, которыя признавалъ и Марксъ. Для того, кто, опираясь на теорію Маркса, видитъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ вообще всѣ положительныя предпосылки для будущаго социалистическаго переворота, это указаніе на кредитъ не особенно ново. Дебатировался лишь вопросъ, проявляется ли эта положительная сторона кредита, разрушающая границы капитализма, также положительно и въ капиталистическомъ хозяйствѣ, въ состояніи ли она обуздать анархію, какъ утверждалъ Бернштейнъ, или она сама вырождается въ противорѣчіе и усиливаетъ еще анархію, какъ это указывали мы. Ссылка Бернштейна на „возстановляюще-созидательное“ свойство кредита, послужившая исходной точкой всѣхъ дебативъ, представляетъ поэтому простое „теоретическое бѣгство“ съ дискуссионнаго поля.

Итакъ, и общественный трудъ Маркса, и абстрактную полезность Менгера онъ сваливаетъ въ одну кучу—все это только абстракція. Но при этомъ Бернштейнъ забылъ, что абстракція Маркса не выдумка, а открытіе, что она существуетъ не въ головѣ Маркса, а въ товарномъ хозяйствѣ, что она живетъ не воображаемой, а реальной и общественной жизнью, и это ея существованіе настолько реально, что ее рѣжутъ, куютъ, взвѣшиваютъ и чеканятъ. Этотъ открытый Марксомъ абстрактно-человѣческій трудъ въ своей развитой формѣ есть не что иное, какъ *деньги*. И это именно составляетъ одно изъ самыхъ гениальныхъ экономическихъ открытій Маркса, между тѣмъ какъ для всей буржуазной экономіи отъ перваго меркантилиста до послѣдняго классика мистическая сущность денегъ оставалась постоянно книгой за семью печатями.

Напротивъ, абстрактная полезность Бемъ-Джевонса есть дѣйствительно лишь „мысленный образъ“, или вѣрнѣе, образецъ отсутствія мысли и тупоумія, за который не отвѣтственно ни капиталистическое, ни какое-либо другое человѣческое общество, а только и всецѣло буржуазно-вульгарная экономія. Съ такимъ „мысленнымъ образомъ“ въ головѣ Бернштейнъ, Бемъ и Джевонсъ могутъ вмѣстѣ со всей своей субъективной компаніей простоять передъ таинствомъ денегъ еще двадцать лѣтъ и притти только къ тому рѣшенію, которое извѣстно и безъ нихъ всякому сапожнику: что деньги такъ таки „полезная“ штука.

Такимъ образомъ, Бернштейнъ окончательно потерялъ способность понять марковъ законъ цѣнности. Но для того, кто хоть нѣсколько знакомъ съ экономической системой Маркса, будетъ вполне ясно, что безъ этого закона вся система остается совершенно непонятной, или, выражаясь конкретнѣе, при отсутствіи пониманія сущности товара и товарнаго обмѣна капиталистическое хозяйство и все связанное съ нимъ должно остаться тайной.

Но что же это за волшебный ключъ, который открылъ Марксу

доступъ къ самымъ сокровеннымъ тайнамъ всѣхъ капиталистическихъ явленій и далъ ему возможность шутя разрѣшать такія проблемы, о существованіи которыхъ даже и не подозрѣвали такіе величайшіе умы буржуазно-классической экономіи, какъ Рикардо и Смитъ? Ничто другое, какъ пониманіе всего капиталистическаго хозяйства, какъ *историческаго явленія*, считается не только съ тѣмъ, что лежитъ позади него, какъ это въ лучшемъ случаѣ дѣлала классическая экономія, но и съ тѣмъ, что лежитъ впереди, не только въ отношеніи натурально-хозяйственнаго прошлаго, но и *соціалистическаго будущаго*. Секретъ марксовой теории цѣнности, его анализа денегъ, его теории капитала, а слѣдовательно, и всей его экономической системы это переходящая природа капиталистическаго хозяйства, его крушеніе, слѣдовательно—и это только другая сторона—*соціалистическая конечная цѣль*. Именно и только потому, что Марксъ разсматривалъ капиталистическое хозяйство съ самаго начала, какъ социалистъ, т. е. съ исторической точки зрѣнія, ему удалось расшифровать его іероглифы; а благодаря тому, что онъ сдѣлалъ социалистическую точку зрѣнія исходной точкой научнаго анализа буржуазнаго общества, онъ, наоборотъ, получалъ возможность научно обосновать социализмъ. Интересно сравнить съ этимъ замѣчанія Бернштейна въ концѣ его книгѣ, гдѣ онъ жалуется на „дуализмъ, который проникаетъ весь великій трудъ Маркса“, „дуализмъ, который состоитъ въ томъ, что трудъ этотъ стремится быть научнымъ изслѣдованіемъ и въ тоже время хочетъ доказать положенія, установленныя еще задолго до его составленія, что въ основѣ его лежитъ схема, заранѣе уже устанавливающая выводъ, къ которому въ своемъ развитіи должно было притти изслѣдованіе. Возвращеніе къ Коммунистическому манифесту (здѣсь это значитъ—къ социалистической цѣли! пр. авт.) указываетъ, что, дѣйствительно, остатокъ утопизма кроется еще въ системѣ Маркса“ (ст. 177, р. п. 313). Но „дуализмъ“ Маркса есть не что иное, какъ дуализмъ со-

ціалистическаго будущаго и капиталистическаго настоящаго, капитала и труда, буржуазіи и пролетаріата; онъ является великимъ научнымъ отраженіемъ *существующаго въ буржуазномъ обществѣ дуализма, буржуазныхъ классовыхъ противорѣчій*.

И если Бернштейнъ въ этомъ теоретическомъ дуализмѣ Маркса видитъ „остатокъ утопизма“, то этимъ онъ только наивно признается въ томъ, что отрицаетъ въ буржуазномъ обществѣ историческій дуализмъ, капиталистическія классовыя противорѣчія, что для него и социализмъ превратился въ „остатокъ утопизма“. Монизмъ Бернштейна это—монизмъ навѣки упроченнаго капиталистическаго порядка, монизмъ социалиста, который отказался отъ конечной цѣли съ тѣмъ, чтобы зато увидѣть въ единственномъ и неизмѣнномъ буржуазномъ обществѣ предѣлъ чловѣческаго развитія.

Но если Бернштейнъ самъ замѣчаетъ трещины въ экономическомъ зданіи капитализма, но не замѣчаетъ развитія въ сторону социализма, то для того, чтобы, по крайней мѣрѣ хотя бы формально, спасти социалистическую программу, ему приходится прибѣгать къ лежащей внѣ экономического развитія идеалистической конструкціи и превратить самый социализмъ изъ опредѣленной исторической фазы общественнаго развитія въ абстрактный „принципъ“.

Бернштейновскій „принципъ товарищества“, который долженъ украсить капиталистическое хозяйство, этотъ самый жидкій отстой социалистической конечной цѣли, является, такимъ образомъ, не уступкой со стороны его буржуазной теории социалистическому будущему, а уступкой социалистическому прошлому—Бернштейна.

2. Экономическая и политическая демократія.

Мы видѣли, что социализмъ Бернштейна сводится къ плану допустить рабочихъ къ участию въ общественномъ богатствѣ, превратить бѣдныхъ въ богатыхъ. Какимъ же образомъ это должно быть выполнено? Въ своихъ статьяхъ „Probleme des Sozialismus“

въ „Neue Zeit“ Бернштейнъ ограничивается только едва понятными намеками, но въ своей книгѣ онъ даетъ уже полный отвѣтъ на этотъ вопросъ: его социализмъ долженъ быть осуществленъ двумя путями: посредствомъ профессиональныхъ союзовъ или, какъ Бернштейнъ называетъ это, посредствомъ экономической демократіи и путемъ товариществъ. Съ помощью перваго средства онъ надѣется захватить въ свои руки промышленную, съ помощью второго—торговую прибыль.

Что касается товариществъ, и прежде всего производительныхъ товариществъ, то по своимъ внутреннимъ свойствамъ они являются въ капиталистическомъ хозяйствѣ какимъ то двуполымъ существомъ: въ небольшихъ размѣрахъ социализированное производство при капиталистическомъ обмѣнѣ. Но въ капиталистическомъ хозяйствѣ обмѣнъ господствуетъ надъ производствомъ и, подъ влияніемъ конкуренціи, дѣлаетъ ничѣмъ не сдерживаемую эксплуатацию, т. е. полнѣйшее подчиненіе производственного процесса интересамъ капитала, условіемъ существованія предприятий. Практически же это выражается въ необходимости насколько возможно усилить интенсивность труда, сократить или увеличить его, смотря по состоянію рынка, привлечь или выбросить на улицу рабочую силу, опять таки въ зависимости отъ требованій рынка, однимъ словомъ, пустить въ ходъ всѣ приемы, дѣлающіе капиталистическое предприятие способнымъ къ конкуренціи. Въ силу этого рабочіе, объединенные въ производительное товарищество, должны подчиниться полной самыхъ острыхъ противорѣчій необходимости: они должны примѣнять къ самимъ себѣ режимъ абсолютизма со всѣмъ, что съ нимъ связано, и сами разыгрывать по отношенію къ самимъ же себѣ роль капиталистическаго предпринимателя. Эти противорѣчія ведутъ производительныя товарищества къ гибели, такъ какъ они или превращаются въ капиталистическія предприятия или, если пересиливаютъ интересы рабочихъ, совершенно распадаются. Констатируя самъ

такого рода факты, Бернштейнъ однако не понимаетъ ихъ и вмѣстѣ съ г-жей Поттеръ-Веббъ видитъ въ недостатокѣ „дисциплины“ причину гибели производительныхъ товариществъ. То, что здѣсь поверхностно и неосновательно названо дисциплиной, есть не что иное, какъ естественный и неограниченный режимъ капитала, который, конечно, не могутъ приводить по отношенію къ себѣ сами рабочіе.

Отсюда слѣдуетъ, что производительныя товарищества могутъ обезпечить себѣ существованіе въ капиталистическомъ хозяйствѣ только въ томъ случаѣ, если имъ удастся какимъ-нибудь обходомъ уничтожить скрывающееся въ нихъ противорѣчіе между способомъ производства и обмѣна, искусственно освободившись отъ подчиненія законамъ свободной конкуренціи. А это возможно только тогда, если они съ самаго начала обезпечатъ себѣ рынокъ сбыта, прочный кругъ потребителей. Средствомъ для этого служатъ *потребительные союзы*. Только въ этомъ, а не въ различіи между товариществами покупающими и продающими, или какъ тамъ еще ихъ называетъ Оппенгеймеръ, кроется разсматриваемый Бернштейномъ секретъ, что самостоятельныя производительныя товарищества погибаютъ, и только потребительные союзы способны обезпечить имъ существованіе.

Но если, такимъ образомъ, условія существованія производительныхъ товариществъ связаны въ современномъ обществѣ съ условіями существованія потребительныхъ союзовъ, то отсюда слѣдуетъ и дальнѣйшій выводъ, что производительныя товарищества въ лучшемъ случаѣ могутъ разсчитывать лишь на небольшой мѣстный сбытъ и на производство немногихъ продуктовъ непосредственнаго потребленія, преимущественно жизненныхъ припасовъ. Всѣ наиболѣе важныя отрасли капиталистическаго производства, какъ текстильное, добываніе угля, металла и нефти, а также отрасль машино-паровозо- и кораблестроенія исключаются съ самаго начала

изъ сферы дѣйствія потребительныхъ, а слѣдовательно, и производительныхъ товариществъ. Итакъ, производительныя товарищества, помимо своего двойственного характера, уже по одному тому не могутъ имѣть характера общей социальной реформы, что проведение ихъ въ жизнь повсюду предполагаетъ прежде всего уничтоженіе мірового рынка и распаденіе существующаго мірового хозяйства на небольшія мѣстныя группы для производства и обмѣна; а это по существу есть возвращеніе крупно-капиталистическаго хозяйства къ средневѣковому товарному хозяйству.

Но и въ предѣлахъ возможнаго осуществленія на почвѣ современнаго общества производительныя товарищества неизбежно являются простыми придатками поребительныхъ союзовъ, которые, такимъ образомъ, выступаютъ на первый планъ въ качествѣ главныхъ носителей предполагаемыхъ социалистическихъ реформъ. Но въ такомъ случаѣ вся социалистическая реформа, при посредствѣ товариществъ, превращается изъ борьбы противъ главной основы капиталистическаго хозяйства—производительнаго капитала, въ борьбу съ торговымъ капиталомъ, и при томъ съ мелко-торговымъ и посредническимъ капиталомъ, т. е. исключительно съ мелкими отвѣтвленіями капиталистическаго ствола.

Что касается профессиональныхъ союзовъ, которые, по мнѣнію Бернштейна, должны также служить средствомъ противъ эксплуатации со стороны производительнаго капитала, то мы уже выше показали, что они не способны обезпечить рабочимъ вліяніе на процессъ производства ни въ отношеніи *размѣровъ* послѣдняго, ни въ отношеніи *техническихъ* приемовъ.

Что же касается чисто экономической стороны или, говоря словами Бернштейна, „борьбы нормы заработной платы съ нормой прибыли“, то и здѣсь эта борьба, какъ мы уже имѣли случай показать, ведется не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ опредѣленныхъ рамкахъ закона заработной платы, такъ что она можетъ не

уничтожить, а лишь осуществить названный законъ. Это становится яснымъ, если разсмотрѣть тотъ же предметъ съ другой стороны и задать себѣ вопросъ, каковы собственно функціи профессиональныхъ союзовъ.

Профессиональные союзы, играющіе, по мнѣнію Бернштейна, роль наступающей стороны въ освободительной борьбѣ рабочаго класса съ индустриальной нормой прибыли, которую они постепенно должны растворить въ нормѣ заработной платы, эти то именно союзы и не въ состояніи вести экономическую наступательную политику противъ прибыли. Вѣдь они не что иное, какъ организованная защита рабочей силы противъ нападений со стороны прибыли, защита рабочаго класса противъ подавляющей его тенденции капиталистическаго хозяйства. Это объясняется двумя причинами. Во-первыхъ, задача профессиональныхъ союзовъ—вліять при помощи организациі на положеніе рынка товара—рабочей силы; но благодаря процессу пролетаризациі среднихъ слоевъ, которые постоянно доставляютъ на рынокъ труда новый товаръ, эта организациа постоянно терпитъ крушенія. Во-вторыхъ, профессиональные союзы ставятъ себѣ цѣлью улучшить положеніе рабочаго класса, увеличить достающуюся на его долю часть общественнаго богатства. Но эта доля въ силу увеличивающейся производительности труда постоянно понижается съ неуклонностью явленія природы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вовсе не нужно быть марксистомъ, достаточно лишь хоть разъ поддержать въ рукахъ сочиненіе Родбертуса „Zur Beleuchtung der sozialen Frage“. („Къ освѣщенію социального вопроса“).

Итакъ, профессиональная борьба въ двухъ своихъ главныхъ экономическихъ функціяхъ превращается въ силу объективныхъ условій капиталистическаго хозяйства въ сизифовъ трудъ. Конечно, этотъ сизифовъ трудъ необходимъ, если только рабочій хочетъ добиться установленія заработной платы, соотвѣтствующей данному положенію рынка, если только долженъ получить осуществленіе

капиталистическій законъ заработной платы, если должно быть парализовано, или правильнѣе, ослаблено вліяніе подавляющей тенденціи экономическаго развитія. Но превращеніе профессиональныхъ союзовъ въ средство постепеннаго пониженія прибыли въ пользу повышенія заработной платы должно имѣть, въ качествѣ социальной предпосылки, во-первыхъ, прекращеніе пролетаризаціи среднихъ слоевъ и прекращеніе роста рабочаго класса, во-вторыхъ, пріостановку развитія производительности труда, т. е. въ обоихъ случаяхъ предполагаетъ *обратное возвращеніе къ періоду, предшествовавшему крупно-капиталистическому хозяйству* точно такъ же, какъ это предполагаетъ и установленіе хозяйственнаго уклада, основаннаго на потребительныхъ союзахъ. Такимъ образомъ, оба бернштейновскія средства социалистической реформы—товарищества и профессиональныя организаціи—оказываются совершенно неспособными преобразовать капиталистическій *способъ производства*. Въ сущности Бернштейнъ самъ смутно сознаетъ это, рассматривая ихъ только какъ средство урвать сколько-нибудь изъ капиталистической прибыли и обогатить такимъ способомъ рабочій классъ. Но въ такомъ случаѣ онъ отказывается отъ борьбы съ *капиталистическимъ производствомъ*, и направляетъ социаль-демократическое движеніе противъ *капиталистическаго распределенія*. Онъ не разъ формулируетъ свой социализмъ, какъ стремленіе къ „справедливому“, къ „болѣе справедливому“ и даже къ „еще болѣе справедливому“ распределенію.

Конечно, первымъ толчкомъ къ участию въ социаль-демократическомъ движеніи, по крайней мѣрѣ у народныхъ массъ, служитъ „несправедливое“ распределеніе, господствующее въ капиталистическомъ строѣ. Борясь за обобществленіе всего хозяйства въ цѣломъ, социаль-демократія борется вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, и за „справедливое“ распределеніе общественнаго богатства. Но благодаря открытію Маркса, что данное распределеніе есть только естественное

слѣдствіе даннаго способа производства, борьба ея направлена не противъ распределенія въ *рамкахъ* капиталистическаго производства, а на уничтоженіе самого товарнаго производства. Однимъ словомъ, социаль-демократія стремится осуществить *социалистическое распределеніе* путемъ устраненія *капиталистическаго способа производства*, тогда какъ Бернштейнъ стремится къ совершенно обратному: онъ хочетъ устранить *капиталистическое распределеніе*, надѣясь такимъ путемъ постепенно осуществить *социалистическій способъ производства*.

Но чѣмъ обосновать въ данномъ случаѣ социалистическую реформу Бернштейна? Определенными тенденціями капиталистическаго производства? Отнюдь нѣтъ. Во-первыхъ, онъ самъ отрицаетъ эти тенденціи, а во-вторыхъ, то преобразование производства, къ которому мы стремимся, представляется ему, согласно вышеизложенному, не причиной, а результатомъ распределенія. Слѣдовательно, обоснованіе *его* социализма не можетъ быть экономическимъ. Принимая средства социализма за его цѣль и наоборотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣстивъ и всѣ экономическія отношенія, онъ *не можетъ* дать своей программѣ материалистическое обоснованіе, а *вынужденъ* прибѣгнуть къ идеалистическому.

„Къ чему выводить социализмъ изъ экономической необходимости?“ слышимъ мы его вопросъ. „Къ чему принижать умъ, сознание права и волю человѣка?“ (Vorwärts 26-го марта 1899 г.). Слѣдовательно, бернштейновское болѣе справедливое распределеніе должно быть осуществлено въ силу свободной, не находящейся въ зависимости отъ экономической необходимости, воли человѣка, или точнѣе, такъ какъ сама воля является только орудіемъ, въ силу познанія справедливости, въ силу *идеи справедливости*.

Итакъ, мы преблагополучно пришли къ принципу справедливости,—этому старому заѣзженному скакуну, которымъ пользовались въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, за недостаткомъ другихъ болѣе на-

дежныхъ историческихъ средствъ передвиженія,—всѣ усовершенство-
ватели міра. Мы пришли къ этому тощему Россинанту, на которомъ всѣ
Донъ-Кихоты, извѣстные исторіи, выѣзжали въ великій міръ реформъ
для того только, чтобы вернуться домой съ синяками подъ глазами.

Отношеніе между бѣднымъ и богатымъ, какъ общественная
основа социализма, „принципъ“ товарищества, какъ его содержаніе,
„болѣе справедливое“ распредѣленіе, какъ его цѣль, и, наконецъ,
идея справедливости, какъ его единственное историческое оправданіе,
—насколько однако больше силы, духовной красоты и блеска
проявилъ болѣе 50 лѣтъ тому назадъ Вейтлингъ, выступая предста-
вителемъ *такого* социализма! И при томъ этому гениальному порт-
ному еще не былъ извѣстенъ научный социализмъ. Но если теперь,
спустя полстолѣтія, вся его теорія, растерзанная на мелкіе клочки
Марксомъ и Энгельсомъ, снова сшивается и подносится, въ качествѣ
последняго слова науки, пролетариату, то и для этого, конечно,
нуженъ портной... но совсѣмъ не гениальный.

* * *

Какъ профессиональные союзы и товарищества являются эконо-
мической опорой для теоріи Бернштейна, такъ постоянно усили-
вающееся развитіе демократіи является важнѣйшимъ политическимъ
условіемъ ея. Всѣ реакціонныя вылазки настоящаго времени для
него только „судороги“, по его мнѣнію случайныя и преходящія,
съ которыми не приходится считаться при установленіи общаго
направленія борьбы рабочаго класса. Но дѣло не въ томъ, что ду-
маетъ Бернштейнъ о продолжительности реакціи на основаніи лич-
ныхъ и письменныхъ увѣреній своихъ друзей; интересно, какова
внутренняя объективная связь между демократіей и фактическимъ
общественнымъ развитіемъ.

Бернштейнъ разсматриваетъ демократію, какъ необходимую ступе-
нь въ развитіи современнаго общества; даже больше, для него со-
вершенно такъ же, какъ для буржуазнаго теоретика либерализма,

демократія составляетъ великій основной законъ общественнаго раз-
витія вообще, и осуществленію этого закона должны содѣйствовать
всѣ активныя силы политической жизни, но, высказанный въ такой
абсолютной формѣ, этотъ взглядъ въ корнѣ ошибоченъ и представ-
ляетъ изъ себя не что иное, какъ поверхностное мелкобуржуазное
возведеніе въ шаблонъ результатовъ очень маленькаго періода раз-
витія буржуазіи, періода послѣднихъ 25—30 лѣтъ. Знакомясь ближе
съ развитіемъ демократіи въ исторіи и съ политической исторіей ка-
питализма, приходишь къ совершенно другому выводу.

Что касается демократіи, то мы встрѣчаемъ ее въ самыхъ раз-
личныхъ общественныхъ формаціяхъ: въ первобытныхъ коммунисти-
ческихъ обществахъ, въ классическихъ государствахъ, основанныхъ
на рабствѣ, и въ городскихъ средневѣковыхъ общинахъ. Равнымъ
образомъ, мы встрѣчаемъ абсолютизмъ и ограниченную монархію при
самыхъ разнообразныхъ экономическихъ комбинаціяхъ. Съ другой
стороны, капитализмъ въ самомъ началѣ своего развитія—въ фор-
мѣ товарнаго производства—создаетъ въ городскихъ коммунахъ
чисто демократическое устройство; позже, въ своей болѣе развитой
формѣ—мануфактурной, онъ находитъ себѣ соотвѣтствующую по-
литическую форму въ неограниченной монархіи. Наконецъ, въ ка-
чествѣ вполне развитого индустриальнаго хозяйства, онъ создаетъ во
Франціи попеременно демократическую республику (1793), абсолютную
монархію Наполеона I (1804), аристократическую монархію періода ре-
ставраціи (1815—1830), буржуазно-конституціонную монархію Луи
Филиппа, затѣмъ снова демократическую республику, снова монар-
хію Наполеона III и, наконецъ, въ третій разъ республику, которая,
повидимому, опять находится уже при своемъ послѣднемъ издыха-
ніи. Въ Германіи единственное дѣйствительно демократическое уч-
режденіе—всеобщее избирательное право—является не завоеваніемъ
буржуазнаго либерализма, а средствомъ политической спайки отдѣль-
ныхъ мелкихъ государствъ и только въ этомъ отношеніи имѣетъ зна-

чение для развитія нѣмецкой буржуазіи, которая вообще вполне удовлетворяется полу-феодальной конституціонной монархіей. Въ Россіи капитализмъ прекрасно развивается и при самодержавіи, и буржуазія не обнаруживаетъ пока никакихъ стремленій къ демократіи. Въ Австріи всеобщее избирательное право сыграло въ значительной степени роль спасительнаго пояса для распадающейся монархіи, а насколько слабо оно связано съ настоящей демократіей, доказываетъ владычество § 14¹⁾. Наконецъ, въ Бельгіи демократическое завоеваніе рабочаго движенія—всеобщее избирательное право—находится въ несомнѣнной связи со слабостью милитаризма, слѣдовательно, съ особымъ географическимъ и политическимъ положеніемъ Бельгіи; да и прежде всего, это—„кусочекъ демократіи“, завоеванный не буржуазіей, а *противъ* буржуазіи.

Такимъ образомъ, непрерывный подъемъ демократіи, который Бернштейну и всему буржуазному либерализму представляется великимъ основнымъ закономъ человѣческой или, по меньшей мѣрѣ, современной исторіи, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи призракомъ. Между капиталистическимъ развитіемъ и демократіей невозможно установить никакой внутренней абсолютной связи. Политическая форма является всякій разъ результатомъ всей суммы политическихъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ, вмѣщая въ свои границы всю политическую скалу отъ абсолютной монархіи до республики включительно.

Если, такимъ образомъ, мы, отказавшись отъ общаго историче-

1) Т. е. § 14 основного государственнаго закона о представительствѣ 21 дек. 1867 г., предоставляющій право замѣнять въ такое время, когда рейхсратъ не засѣдаетъ, законы императорскими указами. Этимъ параграфомъ австрійское правительство не разъ пользовалось въ борьбѣ съ народнымъ представительствомъ. Когда рейхсратъ упорно не сдавался, объявлялось распушеніе сессіи, и въ промежутокъ до созыва новаго рейхсрата издавались постановленія на точномъ основаніи § 14 „конституціи“.

скаго закона развитія демократіи даже въ рамкахъ современнаго общества, обратимся только къ современной фазѣ буржуазной исторіи, то и здѣсь, въ этомъ политическомъ положеніи, мы встрѣтимся съ факторами, ведущими не къ осуществленію схемы Бернштейна, а скорѣе, наоборотъ, къ отказу со стороны буржуазнаго общества отъ всѣхъ достигнутыхъ до сихъ поръ завоеваній.

Съ одной стороны,—что очень важно,—демократическія учрежденія въ значительной степени уже сыграли свою роль въ развитіи буржуазнаго общества. Поскольку они нужны были для сліянія отдѣльныхъ мелкихъ и возникновенія современныхъ большихъ государствъ (Германія, Италія), постольку они теперь уже излишни. Подъ влияніемъ экономическаго развитія успѣло за это время произойти внутреннее органическое срастаніе, и, такимъ образомъ, повязка политической демократіи можетъ быть снята безъ опасности для организма буржуазнаго общества.

То же самое нужно сказать и о превращеніи полу или вполне феодальной политико-административной государственной машины въ капиталистическій механизмъ. Это превращеніе, исторически неразрывно связанное съ демократіей, также подвинулось настолько далеко, что чисто демократическія учрежденія государственнаго строя—всеобщее избирательное право, республиканская форма правленія—можно уничтожить, совершенно не опасаясь того, что администрація, финансы, военное дѣло и т. д. должны будутъ вернуться къ до-мартовскимъ формамъ.

Если въ этомъ отношеніи либерализмъ сдѣлался совершенно лишнимъ для буржуазнаго общества, то, съ другой стороны, онъ во многихъ отношеніяхъ обратился для него прямо въ помѣху. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду два фактора, господствующіе надъ всей политической жизнью современныхъ государствъ: *міровую политику и рабочее движеніе*, оба они представляютъ только различныя стороны современной фазы капиталистическаго развитія.

Развитіе мірового хозяйства, обостреніе и общій характеръ конкуренціи на міровомъ рынкѣ сдѣлали милитаризмъ и маринизмъ, какъ орудія міровой политики, главными моментами какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни всѣхъ большихъ государствъ. Но если міровая политика и милитаризмъ, какъ связанные съ экономическими потребностями и стремленіями капитализма, имѣють въ настоящее время *восходящую* тенденцію, то буржуазная демократія должна совершать движеніе по линіи *нисходящей*. Самый яркій примѣръ тому даетъ сѣверо-американскій союзъ со времени испанской войны. Во Франціи республика обязана своимъ существованіемъ главнымъ образомъ международному политическому положенію, дѣлающему пока невозможнымъ войну. Но если бы дѣло дошло до войны и если бы Франція, какъ это слѣдуетъ думать по всѣмъ признакамъ, оказалась бы неподготовленной для міровой политики, тогда отвѣтомъ на первое пораженіе ея на театрѣ войны было бы провозглашеніе монархіи въ Парижѣ. Въ Германіи новѣйшая эра громаднхъ затратъ на вооруженіе (1893) и положенное въ Кіао-Чау начало міровой политики стоили буржуазной демократіи двухъ жертвъ: распеденія свободомыслящей партіи и паденія центра.

И если внѣшняя политика толкаетъ буржуазію въ объятія реакціи, то не менѣе важно вліяніе политики на стремленія рабочаго класса. Бернштейнъ самъ подтверждаетъ это, дѣлая социаль-демократическія „страшныя сказки“, т. е. социалистическія стремленія рабочаго класса отвѣтственными за измѣну своему знамени либеральной буржуазіи. Поэтому онъ совѣтуетъ пролетаріату оставить мысль о социалистической конечной цѣли, чтобы снова выманить изъ мышиной норки реакціи перепуганный на смерть либерализмъ. Но, считая уничтоженіе социалистическаго рабочаго движенія жизненнымъ условіемъ и социальной предпосылкой существованія буржуазной демократіи, Бернштейнъ самъ очень ясно показываетъ этимъ, что эта демократія въ такой же мѣрѣ противорѣчитъ внутренней тен-

денціи развитія современнаго общества, въ какой социалистическое рабочее движеніе есть *прямою ея продуктою*.

Но этимъ самымъ онъ показываетъ еще кое-что. Ставя главнымъ условіемъ воскрешенія буржуазной демократіи отреченіе рабочаго класса отъ социалистической конечной цѣли, онъ этимъ самымъ указываетъ, какъ мало буржуазная демократія можетъ служить необходимой основой и условіемъ социалистическаго движенія и социалистической побѣды. Тутъ разсужденія Бернштейна образуютъ порочный кругъ, въ которомъ выводъ „пожираетъ“ первую посылку.

Выходъ изъ этого круга очень простой: тотъ фактъ, что буржуазный либерализмъ скончался отъ страха передъ развивающимся рабочимъ движеніемъ и его конечными цѣлями, доказываетъ только, что именно теперь *единственной* опорой демократіи является и можетъ быть только социалистическое рабочее движеніе, и что не судьбы социалистическаго движенія зависятъ отъ буржуазной демократіи, а, наоборотъ, участь демократическаго развитія зависятъ всецѣло отъ социалистическаго движенія; далѣе, что жизнеспособность демократіи будетъ возрастать не по мѣрѣ того, какъ рабочій классъ будетъ отказываться отъ борьбы за свое освобожденіе, а, наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ социалистическое движеніе сдѣлается достаточно сильнымъ, чтобы бороться противъ реакціонныхъ послѣдствій міровой политики и буржуазной измѣны. Кто желаетъ усиленія демократіи, тотъ долженъ желать не ослабленія, а усиленія социалистическаго движенія, и отказъ отъ социалистическихъ стремленій означаетъ отказъ отъ рабочаго движенія и демократіи.

Въ концѣ своего „отвѣта“ Каутскому въ Vorwärts'ѣ отъ 26-го марта 1899 г. Бернштейнъ заявляетъ, что съ практической частью социаль-демократической программы онъ въ общемъ вполне согласенъ и что онъ имѣетъ нѣкоторыя возраженія только противъ теоретической ея части. Несмотря на это, Бернштейнъ, очевидно, полагаетъ,

что онъ можетъ съ полнымъ правомъ оставаться въ рядахъ партіи и итти вмѣстѣ съ ней, такъ какъ можно-ли придавать значеніе тому, „что въ теоретической части программы имѣется какое-нибудь положеніе, которое больше не совпадаетъ съ его взглядомъ на ходъ развитія“? Это объясненіе, въ лучшемъ случаѣ, указываетъ на то, что Бернштейнъ совершенно утратилъ пониманіе связи между практической дѣятельностью и общими принципами социаль-демократіи, и что одни и тѣ же слова стали означать для Бернштейна и для партіи совершенно разныя понятія. На самомъ же дѣлѣ собственныя теоріи Бернштейна приводятъ, какъ мы видѣли, къ самому элементарному социаль-демократическому положенію, что при отсутствіи основного базиса практическая борьба становится бесполезной и безцѣльной, что съ отказомъ отъ *конечной цѣли* обречено на гибель и само *движеніе*.

3. Завоеваніе политической власти.

Судьбы демократіи связаны, какъ мы видѣли, съ судьбами рабочаго движенія. Но развѣ развитіе демократіи, даже и въ лучшемъ случаѣ, дѣлаетъ излишней или невозможной пролетарскую революцію, въ смыслѣ захвата государственной власти, завоеванія политической власти?

Бернштейнъ рѣшаетъ этотъ вопросъ путемъ тщательнаго взвѣшиванія хорошихъ и дурныхъ сторонъ законодательныхъ реформъ и революціи; онъ производитъ эту операцію съ пріятностью, напоминающей развѣшиваніе короны и перца въ потребительной лавочкѣ. Въ законномъ ходѣ развитія онъ видитъ дѣйствіе разума, въ революціонномъ—дѣйствіе чувства; на реформаторскую работу онъ смотритъ, какъ на медленный, на революціонную же, какъ на быстрый методъ историческаго прогресса; въ законодательствѣ онъ видитъ планомѣрную работу, въ переворотѣ—грубую силу.

Старая исторія! Мелко-буржуазный реформаторъ всегда видитъ во всемъ „хорошую“ и „дурную“ сторону, отовсюду онъ беретъ понемножку. Но вѣдь столь же старая исторія, что дѣйствительный ходъ вещей ни мало не считается съ этими мелко-буржуазными комбинаціями, и что тщательно-собранная кучка „хорошихъ сторонъ“ отъ всего, что есть на свѣтѣ, разлетается въ прахъ отъ одного щелчка. Въ дѣйствительности мы видимъ, что въ исторіи законодательная реформа и революція обусловливаются болѣе глубокими основаніями, нежели достоинства или недостатки того или другого метода.

Въ теченіе всей исторіи законодательныя реформы всегда служили для постепеннаго усиленія развивающагося класса до тѣхъ поръ, пока послѣдній не почувствовалъ себя достаточно созрѣвшимъ для захвата политической власти и уничтоженія всей существующей правовой системы съ тѣмъ, чтобы построить новую. Съ Бернштейномъ, который громитъ теорію захвата политической власти, какъ бланкистскую теорію насилія, случилась непріятность: то, что въ теченіе столѣтій было цѣлью и движущей силой человѣческой исторіи, онъ принялъ за простую бланкистскую ошибку. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ классовое общество, и классовая борьба составляетъ главное содержаніе его исторіи, завоеваніе политической власти всегда было цѣлью всѣхъ поднимающихся классовъ и являлось исходнымъ и конечнымъ пунктомъ всякаго историческаго періода. Это мы наблюдаемъ и въ продолжительной борьбѣ крестьянства съ денежнымъ капиталомъ въ древнемъ Римѣ, и въ борьбѣ патриціевъ съ епископами, и въ борьбѣ ремесленниковъ съ патриціями въ средневѣковыхъ городахъ, и въ борьбѣ буржуазіи съ феодализмомъ въ новое время.

Итакъ, реформа и революція не представляютъ различныхъ методовъ историческаго прогресса, которые можно по желанію выбрать въ любой историческій моментъ на подобіе горячихъ или холодныхъ сосисокъ въ буфетѣ; это—различные моменты въ развитіи классового

общества, которые въ такой же мѣрѣ обусловливаютъ и дополняютъ или же исключаютъ другъ друга, какъ напримѣръ, южный и сѣверный полюсъ или какъ буржуазія и пролетаріатъ.

То или иное установленное закономъ государственное устройство есть лишь *продуктъ* революціи. Въ то время какъ революція является политически созидательнымъ актомъ классовой исторіи, законодательство есть поддержаніе политическаго существованія общества. Законодательная реформаторская дѣятельность не обладаетъ собственной независимой отъ революціи движущей силой; и въ каждую историческую эпоху она продолжаетъ свое движеніе въ томъ направленіи и до тѣхъ поръ, въ какомъ и пока дѣйствуетъ толчокъ, полученный ею въ послѣднемъ переворотѣ, или выражаясь конкретнѣе, въ рамкахъ созданной переворотомъ общественной формы. Въ этомъ именно сущность вопроса.

Совершенно ошибочно и неисторично представлять себѣ законодательныя реформы, какъ длительную революцію, а революцію какъ сгущенную реформу. Соціальныя перевороты и законодательная реформа представляютъ моменты, различные не по длительности, а по *существу*. Вся тайна историческихъ переворотовъ, совершаемыхъ политической властью, и заключается именно въ превращеніи простыхъ количественныхъ измѣненій въ новое качество, выражаясь конкретнѣе, въ переходѣ одного историческаго періода, т. е. одного общественнаго порядка—въ другой.

Итакъ, кто высказывается за законный путь реформъ *вмѣсто* и въ *противоположность* завоеванію политической власти и общественному перевороту, тотъ выбираетъ на самомъ дѣлѣ не болѣе спокойный, не болѣе увѣренный и медленный путь къ той же *цѣли*, а совершенно *другую* цѣль, именно—вмѣсто осуществленія новаго общественнаго порядка только количественныя измѣненія въ старомъ. Такимъ образомъ, политическіе взгляды Бернштейна приводятъ къ тому же выводу, что и его экономическая теорія: по существу,

онъ преслѣдуетъ не осуществленіе *соціалистическаго* строя, а только преобразованіе *капиталистическаго*, онъ добивается уничтоженія не системы найма, а лишь большей или меньшей эксплоатаціи, однимъ словомъ, онъ стремится къ уничтоженію только наростовъ капитализма, но не самого капитализма.

Но, быть можетъ, вышеупомянутыя положенія относительно функций законодательной реформы и революціи справедливы только въ отношеніи той классовой борьбы, которая велась до настоящаго времени? Быть можетъ, съ настоящаго момента, благодаря усовершенствованію буржуазной правовой системы, законодательная реформа призвана перевести общество изъ одной исторической фазы въ другую, и теорія захвата политической власти пролетаріатомъ превратилась „въ бессодержательную фразу“?

Но мы наблюдаемъ совершенно обратное явленіе. Чѣмъ отличается современное буржуазное общество отъ классовыхъ обществъ древнихъ и среднихъ вѣковъ? Тѣмъ именно, что классовое господство опирается въ настоящее время не на „прочно пріобрѣтенныя права“, а на *фактическія экономическія отношенія*, и что система найма представляетъ изъ себя не правовое, а чисто экономическое отношеніе. Во всей нашей правовой системѣ не найдется ни одной выраженной въ законѣ формулы современнаго классового господства. Можно, пожалуй, найти слѣды ея, вродѣ, напримѣръ, устава о прислугѣ, но это не больше, какъ пережитокъ феодальныхъ отношеній.

Но какъ же можно постепенно уничтожить „законнымъ путемъ“ наемное рабство, если оно совершенно не выражено въ законахъ? Бернштейнъ, собирающійся приняться за законодательно-реформаторскую работу, надѣясь такимъ путемъ покончить съ капитализмомъ, попадаетъ въ положеніе того будочника у Успенскаго, который

разсказываетъ свое приключеніе: „Живо хватаю я его за шиворотъ. И что же? Негодяй и шиворота не имѣть!“¹⁾

Въ этомъ то и вся бѣда.

„Всякое существовавшее до сихъ поръ общество покоилось на противоположности угнетающаго и угнетаемаго класса“! Коммунистическій Манифестъ, стр. 17²⁾. Но въ предшествующіе фазисы современнаго общества это противорѣчіе выражалось въ опредѣленныхъ правовыхъ отношеніяхъ, и въ силу этого оно могло, до извѣстной степени, въ прежнихъ границахъ дать мѣсто и развивающимся новымъ отношеніямъ. „Въ крѣпостную эпоху изъ крѣпостного созданъ членъ городской общины“. (Коммунист. Манифестъ, стр. 17). Какимъ образомъ? Постепеннымъ уничтоженіемъ въ округахъ города всѣхъ тѣхъ мелкихъ правъ въ видѣ—барщины, различныхъ повинностей, уплачиваемыхъ наслѣдниками крѣпостного его господину, подушной подати, принудительности брака, права участія въ наслѣдствѣ и т. д., совокупность которыхъ и составляетъ крѣпостное право.

1) Повидимому, Роза Люксембургъ вспоминаетъ здѣсь слѣдующее мѣсто изъ „Будки“: „Нѣтъ, вы бы его, ваше благородіе, въ частный домъ... Вы бы его, вашбродіе, сцапали-бы.

— Нельзя, голубчикъ, нельзя!... кротко продолжалъ старикъ, глядя въ землю... Невозможно этого.. Не за что сцапать-то! И шиворота-то у меня настоящаго нѣту... Не уймешь.

Вы ему, вашескобродіе, не вѣрьте! прибавилъ голосъ изъ толпы... Отъ него и на насъ мараль идетъ...

Но нельзя было не вѣрить старику: у него дѣйствительно не было порядочнаго шиворота... Мымрецовъ, высвобождавшій руку изъ праваго рукава, чтобы соколомъ налетѣть на пьяницу, при послѣднихъ словахъ старика совсѣмъ остолбенѣлъ и потерялъ сознание. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію шиворота, старикъ остался нетронутымъ...

Сочин. Г. И. Успенскаго. Изд. 3-е Павленкова. С.-Петб. 1889 г. I, 741.

2) Русск. переводъ. Изд. Алексѣевой, стр. 98.

Равнымъ образомъ, и „мелкій бюргеръ сдѣлался настоящимъ буржуа подъ игомъ феодальнаго абсолютизма“. (Ст. 17). Какимъ образомъ? Отчасти путемъ частичнаго формальнаго уничтоженія или фактическаго ослабленія цеховыхъ оковъ и путемъ постепеннаго преобразованія администраціи, финансоваго и военнаго дѣла въ объемъ, отвѣчающемъ самой крайней необходимости.

Итакъ, если разсматривать вопросъ абстрактно, а не исторически, то при прежнихъ классовыхъ отношеніяхъ можно по крайней мѣрѣ *предположить*, что переходъ отъ феодальнаго общества къ буржуазному совершился съ помощью чисто законодательныхъ реформъ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что и тамъ законодательныя реформы служили не для того, чтобы сдѣлать излишнимъ захватъ буржуазіей политической власти, а, наоборотъ, для того, чтобы приготовить и осуществить его. Настоящій политико-соціальныя переворотъ былъ въ такой же мѣрѣ необходимъ какъ для уничтоженія крѣпостничества, такъ и для уничтоженія феодализма.

Но еще иначе обстоитъ дѣло теперь. Не законъ заставляетъ пролетарія подчинить себя игу капитала, а нужда и отсутствіе средствъ производства. Но никакой законъ въ мірѣ не можетъ предоставить ему эти средства въ рамкахъ буржуазнаго общества, такъ какъ онъ лишился ихъ не въ силу закона, а силой экономическаго развитія.

Далѣе, и эксплуатація въ отношеніяхъ найма основана не на законахъ, такъ какъ высота заработной платы опредѣляется не законодательнымъ путемъ, а экономическими факторами. Да и самый фактъ эксплуатаціи обусловливается не законодательными постановленіями, а тѣмъ чисто экономическимъ фактомъ, что рабочая сила, выступая какъ товаръ, обладаетъ между прочимъ пріятнымъ свойствомъ создавать цѣнность и даже *большую*, чѣмъ она сама поглощаетъ. Однимъ словомъ, всѣ основныя отношенія капиталистическаго классового господства уже потому не могутъ быть измѣнены путемъ законодательныхъ реформъ на почвѣ буржуазнаго строя, что

они созданы не буржуазными законами и не отъ нихъ получили свою форму. Бернштейну, повидимому, все это неизвѣстно, если онъ надѣется на социалистическую „реформу“; но, не сознавая, онъ, однако, говорить объ этомъ самъ на стр. 10 своей книжки, гдѣ онъ пишетъ: „экономическій мотивъ выступаетъ теперь свободно тамъ, гдѣ онъ прежде былъ скрытъ отношеніями господства и всякаго рода идеологіями“.

Но еще одно соображеніе. Другой особенностью капиталистическаго строя является то, что въ немъ всѣ элементы будущаго общества, развиваясь, принимаютъ вначалѣ такую форму, которая не приближаетъ, а удаляетъ ихъ отъ социализма. Въ производствѣ начинаетъ все болѣе проявляться общественный характеръ. Но въ какой формѣ выражается это? Въ формѣ акціонерныхъ компаній, перехода въ собственность государства, картелей, въ которыхъ капиталистическія противорѣчія, эксплуатація и угнетеніе рабочей силы достигаютъ высшей степени. Въ военномъ дѣлѣ это развитіе ведетъ къ распространенію всеобщей воинской повинности и сокращенію срока службы, т. е. матеріально приближаетъ къ народной милиціи. Но все это въ формѣ современнаго милитаризма, въ которой самымъ яркимъ образомъ обнаруживается господство военнаго государства надъ народомъ и классовый характеръ государства.

Въ области политическихъ отношеній развитіе демократіи, поскольку оно находится въ благоприятныхъ условіяхъ, ведетъ къ участію всѣхъ слоевъ населенія въ политической жизни, слѣдовательно, до извѣстной степени къ образованію „народнаго государства“. Но это выражается въ формѣ буржуазнаго парламентаризма, гдѣ классовыя противорѣчія и классовое господство не только не уничтожаются, а скорѣе развиваются и яснѣе обнаруживаются. Такъ какъ капиталистическое развитіе движется, такимъ образомъ, въ противорѣчіяхъ, то для отдѣленія зерна социалистическаго общества отъ противорѣчащей ему капиталистической оболочки приходится

прибѣгнуть въ силу этого къ захвату политической власти пролетаріатомъ и къ полнѣйшему уничтоженію капиталистической системы.

Но Бернштейнъ, конечно, и здѣсь находитъ другой выходъ. Если развитіе демократіи ведетъ къ обостренію, а не къ ослабленію капиталистическихъ противорѣчій, тогда, говоритъ онъ, социаль-демократіи, если она не хочетъ усложнить себѣ работу, слѣдовало бы стараться по возможности помѣшать социальнымъ реформамъ и расширенію демократическихъ учреждений. Это несомнѣнно было бы такъ, если бы социаль-демократія, подобно мелкимъ буржуа, находила вкусъ въ такомъ бесполезномъ занятіи, какъ подборъ хорошихъ и выбрасываніе скверныхъ сторонъ исторіи. Но, чтобы быть послѣдовательной, ей пришлось бы тогда „стремиться“ и къ уничтоженію самого капитализма, такъ какъ *онъ* безспорно является главнымъ зломъ, ставящимъ ей всяческія препятствія на ея пути къ социализму. На самомъ же дѣлѣ капитализмъ вмѣстѣ и одновременно съ *препятствіями* представляетъ единственную *возможность* осуществить социалистическую программу. Все это относится въ полной мѣрѣ и къ демократіи.

Если демократія, какъ мы показали выше, сдѣлалась для буржуазіи отчасти излишней, отчасти стѣснительной, то зато рабочему классу она необходима и обязательна. Она необходима, во-первыхъ, потому, что создаетъ политическія формы (самоуправленіе, избирательное право и т. п.), которыя послужатъ пролетаріату исходными и опорными пунктами при преобразованіи буржуазнаго общества. Она обязательна потому, что только въ ней, въ борьбѣ за демократію, въ пользованіи ея правами, пролетаріатъ можетъ дойти до сознанія своихъ классовыхъ интересовъ и историческихъ задачъ.

Однимъ словомъ, демократія необходима не потому, что она дѣлаетъ *излишнимъ* захватъ политической власти пролетаріатомъ, а, наоборотъ, потому, что она дѣлаетъ этотъ захватъ и необходимымъ, и единственно *возможнымъ*. Когда Энгельсъ, въ своемъ предисло-

ви къ „Классовой борьбѣ во Франціи“, дѣлая еще разъ обзоръ тактики современнаго рабочаго движенія, противопоставляетъ баррикадамъ борьбу на законной почвѣ, то, *какъ это явствуетъ изъ каждой строчки предисловія*, онъ разсматриваетъ не вопросъ окончательнаго захвата политической власти, а вопросъ повседневной борьбы настоящаго момента; его интересуеть не дѣйствія пролетаріата *по отношенію* къ капиталистическому государству въ моментъ захвата политической власти, а его дѣйствія въ *рамкахъ* капиталистическаго государства. Однимъ словомъ, Энгельсъ давалъ указанія поработенному, а не побѣдоносному пролетаріату.

Наоборотъ, извѣстное выраженіе Маркса, по поводу земельного вопроса въ Англіи, на которое тоже ссылается Бернштейнъ, что „по всей вѣроятности, всего дешевле было бы выкупить лендлордовъ“, относится къ дѣйствіямъ пролетаріата не *до*, а *послѣ* его побѣды. Вѣдь о выкупѣ господствующихъ классовъ можетъ, конечно, идти рѣчь только тогда, когда рабочій классъ сталъ у кормила правленія. Этимъ Марксъ выразилъ лишь предположеніе о возможности *проведенія мирнымъ путемъ диктатуры пролетаріата*, а не замѣны этой диктатуры капиталистическими социальными реформами.

Самая необходимость захвата пролетаріатомъ политической власти всегда оставалась внѣ сомнѣній какъ для Маркса, такъ и для Энгельса. Остается, поэтому, привилегіей Бернштейна считать курятникъ буржуазнаго парламентаризма органомъ, призваннымъ произвести самый мощный всемірно-историческій переворотъ—переходъ общества изъ *капиталистической въ социалистическую форму*.

Но вѣдь Бернштейнъ началъ свою теорію только опасеніемъ и предостереженіемъ, какъ бы пролетаріатъ не сталъ *слишкомъ рано* у кормила правленія! Въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, пролетаріатъ оставилъ бы весь буржуазный строй совершенно такимъ же, какимъ онъ является теперь и лишь самъ потерпѣлъ бы силь-

ное пораженіе. Изъ этого опасенія прежде всего ясно, что теорія Бернштейна имѣетъ для пролетаріата, на тотъ случай, если бы обстоятельства заставили его взять въ свои руки правленіе, только одно „практическое“ указаніе—лечь спать. Но этимъ она сама произноситъ себѣ приговоръ, какъ теоріи, обрекающей пролетаріатъ въ важнѣйшій моментъ борьбы на бездѣятельность, а слѣдовательно, и на пассивную измѣну собственному дѣлу.

Вся наша программа была бы жалкимъ клочкомъ бумаги, если бы она не въ состояніи была служить намъ во *всѣхъ* случайностяхъ и въ *каждый* моментъ борьбы, и именно служить путемъ примѣненія ея къ жизни, а не забвенія о ней. Въ самомъ дѣлѣ! Если наша программа даетъ формулу историческаго развитія общества отъ капитализма къ социализму, то она должна, конечно, формулировать также и всѣ промежуточныя фазы этого развитія, представивъ ихъ въ общихъ чертахъ: слѣдовательно, она должна быть способной указать въ *каждый* данный моментъ соответствующее поведеніе въ цѣляхъ приближенія къ социализму. Отсюда слѣдуетъ, что для пролетаріата вообще не можетъ быть такого момента, когда онъ былъ бы вынужденъ оставить свою программу, или, наоборотъ, когда бы эта программа оставила его безпомощнымъ.

Практически это выражается въ томъ фактѣ, что не можетъ быть такого момента, когда пролетаріатъ, поставленный въ силу хода вещей у кормила правленія, былъ бы не въ состояніи или не былъ бы обязанъ принять какія либо мѣры для осуществленія своей программы или переходныя мѣры, ведущія къ социализму. За утвержденіемъ, будто социалистическая программа можетъ въ какой-нибудь моментъ политическаго господства пролетаріата оказаться совершенно безсильной и неспособной дать какія-либо указанія насчетъ своего осуществленія, скрывается другое утвержденіе, именно, что *социалистическая программа вообще и никогда не осуществима*.

А что если переходныя мѣры окажутся преждевременными? Этотъ вопросъ скрываетъ въ себѣ цѣлый клубокъ ошибокъ въ отношеніи дѣйствительнаго хода социальныхъ переворотовъ.

Захватъ политической власти пролетаріатомъ, т. е. широкой народной массой, прежде всего не можетъ быть осуществленъ искусственнымъ путемъ. Самъ по себѣ фактъ захвата политической власти предполагаетъ постоянно опредѣленную степень развитія политико-экономическихъ отношеній, если не принимать во вниманіе тѣхъ случаевъ, когда, какъ это было въ Парижской Коммунѣ, господство пролетаріата является не результатомъ его сознательной борьбы за опредѣленную цѣль, а достается ему въ видѣ исключенія, какъ всѣми покинутое безхозяйное добро. Въ этомъ заключается главное отличіе бланкистскаго государственнаго переворота, совершаемаго „рѣшительнымъ меньшинствомъ“, являющагося каждый разъ неожиданнымъ и, вслѣдствіе этого, всегда несвоевременнымъ, отъ захвата политической власти со стороны большой и проникнутой классовымъ сознаниемъ народной массы. Такой захватъ можетъ быть только продуктомъ начинающагося крушенія буржуазнаго общества и въ силу этого въ самомъ себѣ несетъ доказательство, экономически-политическое доказательство своевременности своего появленія.

Если, такимъ образомъ, захватъ политической власти рабочимъ классомъ, съ точки зрѣнія условій общественнаго развитія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ произойти „слишкомъ рано“, то, съ другой стороны, съ точки зрѣнія политическаго эффекта — *удержанія* власти, онъ долженъ необходимо совершиться „слишкомъ рано“. Преждевременная революція, не дающая спать Бернштейну, виситъ надъ нами, какъ дамскловъ мечъ, и этому не помогутъ ни просьбы, ни мольбы, ни страхъ, ни предостереженія. Такъ должно быть по двумъ очень простымъ причинамъ.

Во-первыхъ, такой насильственный переворотъ, какимъ являет-

ся переходъ общества отъ капиталистическаго строя къ социалистическому, совершенно не можетъ произойти сразу, отъ одного побѣдоноснаго удара пролетаріата. Предполагать нѣчто подобное, это значить опять таки обнаружить чисто бланкистское пониманіе. Социалистическій переворотъ предполагаетъ продолжительную и упорную борьбу, причемъ пролетаріатъ, по всей вѣроятности, не разъ будетъ отброшенъ назадъ, такъ что, съ точки зрѣнія конечнаго результата всей борьбы, онъ въ первый разъ по необходимости долженъ стать „слишкомъ рано“ у кормила правленія.

Съ другой стороны, нельзя избѣжать также „преждевременнаго“ захвата государственной власти по той причинѣ, что эти „преждевременныя“ нападенія пролетаріата уже сами являются однимъ изъ факторовъ и притомъ очень важнымъ, создающимъ *политическія* условія окончательной побѣды, и что именно *они* вмѣстѣ съ другими факторами создаютъ и опредѣляютъ *моментъ* рѣшительной побѣды. Съ *этой* точки зрѣнія, самое понятіе о преждевременномъ захватѣ политической власти трудовымъ народомъ представляется политической нелѣпостью, вытекающей изъ механическаго пониманія развитія общества и предполагающей опредѣленный моментъ для побѣды классовой борьбы, моментъ *внѣшній* и *независимый* отъ этой классовой борьбы.

Но въ силу того, что пролетаріатъ, такимъ образомъ, не можетъ даже иначе, чѣмъ „слишкомъ рано“, захватить политическую власть, или другими словами, такъ какъ онъ долженъ непременно захватить ее когда-нибудь „слишкомъ рано“ для того, чтобы въ концѣ концовъ прочно завоевать ее, то оппозиція противъ преждевременнаго захвата власти является ничѣмъ инымъ, какъ *оппозиціей вообще противъ стремленій пролетаріата завладѣть политической властью*.

Какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ, такъ и съ этой стороны теорія Бернштейна вполне послѣдовательно приводитъ насъ къ то-

му же выводу, что его совѣтъ оставить конечную цѣль равносильно также совѣту отказаться отъ всего движенія; что его совѣтъ социаль-демократіи „лечь спать“ въ случаѣ захвата политической власти вполнѣ тождественъ совѣту *лечь вообще спать*, т. е. отказаться отъ классовой борьбы.

4. Крушеніе.

Свой пересмотръ социаль-демократической программы Бернштейнъ началъ съ отрицанія теоріи крушенія капиталистическаго строя. Но такъ какъ крушеніе буржуазнаго общества является краеугольнымъ камнемъ научнаго социализма, то удаленіе этого краеугольнаго камня должно логически привести къ крушенію всего социалистическаго міровоззрѣнія Бернштейна. Во время дебатовъ, онъ, желая отстоять свое первое утвержденіе, послѣдовательно сдаетъ одну позицію социализма за другой. Безъ крушенія капитализма невозможно и экспроприация класса капиталистовъ, и Бернштейнъ отказывается отъ экспроприации, дѣлая цѣлью рабочаго движенія постепенное проведеніе „принципа товарищества“.

Но принципъ товарищества не можетъ быть проведенъ при капиталистическомъ способѣ производства, и Бернштейнъ отказывается отъ обобществленія производства и переходитъ къ реформѣ въ области торговли, къ потребительнымъ союзамъ.

Но преобразование общества съ помощью потребительныхъ и профессиональныхъ союзовъ не мирится съ фактическимъ матеріальнымъ развитіемъ капиталистическаго общества, и Бернштейнъ отказывается отъ матеріалистическаго пониманія исторіи.

Но дальше его теорія о ходѣ экономическаго развитія не совмѣстима съ марксовымъ закономъ прибавочной цѣнности, и Бернштейнъ отказывается отъ закона цѣнности и прибавочной цѣнности, а въ мѣстѣ съ этимъ—отъ всей экономической теоріи Карла Маркса.

Но при отсутствіи опредѣленной конечной цѣли и экономической основы въ современномъ обществѣ невозможна пролетарская классовая борьба,—Бернштейнъ отказывается отъ классовой борьбы и проповѣдуетъ примиреніе съ буржуазнымъ либерализмомъ.

Но въ классовомъ обществѣ классовая борьба есть вполнѣ естественное и неизбѣжное явленіе,—Бернштейнъ послѣдовательно отрицаетъ даже существованіе классовъ въ современномъ обществѣ: рабочій классъ для него только масса индивидуумовъ, не связанныхъ между собой не только политически или духовно, но и въ экономическомъ отношеніи. Равнымъ образомъ, и буржуазія, по мнѣнію Бернштейна, политически связана не внутренними экономическими интересами, а внѣшнимъ давленіемъ сверху или снизу.

Но если классовая борьба не имѣетъ подъ собой экономической основы, если въ сущности нѣтъ также никакихъ классовъ, то представляется невозможной не только будущая борьба пролетаріата съ буржуазіей, но и борьба, совершавшаяся до сихъ поръ; тогда необъяснимы и существованіе социаль-демократіи, и ея успѣхи. Или и ее можно объяснить только какъ результатъ политическаго давленія со стороны правительства? по мнѣнію Бернштейна, она можетъ быть понята, не какъ законмѣрный результатъ историческаго развитія, а какъ случайный продуктъ Гогенцоллернскаго курса, не какъ законное дитя капиталистическаго общества, а какъ незаконный ребенокъ реакціи. Такъ Бернштейнъ съ неумолимой логикой переходитъ отъ матеріалистическаго пониманія исторіи къ пониманію ее въ духѣ Frankfurter и Vossischer Zeitung *).

Отбросивъ всю социалистическую критику капиталистическаго общества, Бернштейну остается еще только найти удовлетворительнымъ, по крайней мѣрѣ хоть въ общемъ, современное положеніе. Но и это не пугаетъ его. Онъ находитъ, что въ настоящее время реакція въ Германіи не такъ сильна; „въ западно-европейскихъ

*) Франкфуртская и Фоссова газеты—органы Германскаго буржуазнаго либерализма.

государствахъ почти не замѣтна политическая реакція“, „почти во всѣхъ государствахъ запада буржуазные классы держатся по отношенію къ социалистическому движенію, самое большее, только оборонительной политики, но не политики насилія“ (Vorwärts 26-го марта 1899 г.). Рабочіе становятся не бѣднѣе, а, наоборотъ, все состоятельнѣе, буржуазія политически все прогрессируетъ и даже морально здорова, а реакціи и угнетенія незамѣтны—все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ....

Такъ Бернштейнъ вполне логически и послѣдовательно идетъ отъ А до Z. Онъ началъ съ того, что отказался отъ конечной цѣли ради движенія. Но такъ какъ въ дѣйствительности безъ социалистической цѣли не можетъ быть социаль-демократическаго движенія, то онъ по необходимости кончаетъ тѣмъ, что отказывается и отъ самого *движенія*.

Такимъ образомъ, рухнула вся социалистическая теорія Бернштейна. Все величавое, симметрическое и удивительное зданіе марксовой системы превратилось у него въ большую кучу мусора, въ которой нашли себѣ общую могилу обломки всѣхъ системъ, обрывки мысли всѣхъ великихъ и малыхъ умовъ. Марксъ и Прудонъ, Левъ ф. Бухъ и Францъ Оппенгеймеръ, Фридрихъ Альбертъ Ланге и Кантъ, Прокоповичъ и д-ръ фанъ Нейпауеръ, Геркнеръ и Шульце-Геверницъ, Лассаль и проф. Юлій Вольфъ—всѣ внесли свою лепту въ систему Бернштейна, у всѣхъ онъ чему нибудь поучился. И ничего удивительнаго! Оставивъ классовую точку зрѣнія, онъ потерялъ политическій компасъ; отказавшись отъ научнаго социализма, онъ лишился духовной оси кристаллизаціи, вокругъ которой отдѣльные факты группируются въ органическое цѣлое послѣдовательнаго міросозерцанія.

Эта теорія, состряпанная безъ разбору изъ крохъ всѣхъ возможныхъ системъ, кажется на первый взглядъ совершенно безпристрастной. Бернштейнъ и слышать не хочетъ о какомъ-нибудь

„партийномъ ученіи“, или вѣрнѣе, о классовой наукѣ, о классовомъ либерализмѣ, классовой морали. Онъ надѣется представить общечеловѣческую, абстрактную науку, абстрактный либерализмъ, абстрактную мораль. Но такъ какъ въ дѣйствительности общество состоитъ изъ классовъ, имѣющихъ діаметрально противоположные интересы, стремленія и взгляды, то общечеловѣческая наука въ области социальныхъ вопросовъ, абстрактный либерализмъ и абстрактная мораль пока—только фантазія, самообманъ. То, что Бернштейнъ считаетъ общечеловѣческой наукой, демократіей, моралью, есть только господствующая, т. е. буржуазная наука, буржуазная демократія, буржуазная мораль.

Въ самомъ дѣлѣ! Отрекаясь отъ экономической системы Маркса съ тѣмъ, чтобы клясться ученіемъ Brentano, Бѣмъ-Джевонса, Сэя, Ю. Вольфа, не замѣняетъ ли онъ научное основаніе освобожденія рабочаго класса аналогіей буржуазіи? Говоря объ общечеловѣческомъ характерѣ либерализма и превращая социализмъ въ его разновидность, не лишаетъ ли онъ социализма его классового характера, т. е. его историческаго содержанія, а слѣдовательно, и вообще всякаго содержанія; и, наоборотъ, не превращаетъ ли онъ тѣмъ самымъ историческую носительницу либерализма—буржуазію въ представительницу общечеловѣческихъ интересовъ?

А когда онъ открываетъ походъ противъ „возведенія матеріальныхъ факторовъ на степень всемогущихъ силъ развитія“, противъ „презрительнаго отношенія къ идеалу“ въ социаль-демократіи, когда онъ выступаетъ въ защиту идеализма и морали и, въ то же самое время, возстаетъ противъ единственнаго источника моральнаго возрожденія пролетаріата—революціонной классовой борьбы, развѣ это не значитъ въ сущности проповѣдывать рабочему классу квинтъ-эссенцію буржуазной морали: примиреніе съ существующимъ строемъ и перенесеніе надеждъ—въ потусторонній міръ моральныхъ представлений?

Наконецъ, направляя самыя острыя свои стрѣлы противъ діалектики, не борется ли онъ съ специфическимъ способомъ мышленія развивающагося, сознающаго свое классовое положеніе пролетаріата? Не борется ли онъ противъ оружія, которое помогло пролетаріату разогнать мракъ его историческаго будущаго, противъ духовнаго оружія, которымъ онъ, экономически еще угнетаемый, побѣждаетъ буржуазію, доказывая ей ея недолговѣчность и неизбежность своей побѣды; не борется ли онъ противъ того оружія, которымъ духовно уже совершена революція?

Распростившись съ діалектикой и усвоивъ себѣ эквилибристику мысли по принципу: „съ одной стороны—съ другой стороны“ „правда—но“, „хотя—но тѣмъ не менѣе“, „болѣе или менѣе“, Бернштейнъ вполнѣ послѣдовательно воспринимаетъ исторически законный способъ мышленія погибающей буржуазіи, способъ, являющійся точнымъ духовнымъ отраженіемъ ея общественнаго бытія и ея политической дѣятельности. Каприви—Гогенлоэ—Берлепшъ—Посадовскій—Февральскій указъ—Каторжный законопроектъ, политическое „съ одной стороны—съ другой стороны“, „если—но“ современной буржуазіи—все это вполнѣ напоминаетъ способъ мышленія Бернштейна, а этотъ способъ мышленія является самымъ лучшимъ и вѣрнымъ симптомомъ буржуазнаго міросозерцанія.

Но Бернштейнъ находитъ теперь также, что и слово *bürgerlich* ¹⁾—не классовое выраженіе, а относящееся ко всему обществу понятіе. Это означаетъ только, что онъ послѣдовательно ставитъ точку надъ *i*, что вмѣстѣ съ наукой, политикой, моралью и способомъ мышленія, онъ замѣнилъ также и историческій языкъ пролетаріата языкомъ буржуазіи. Обозначая словомъ „бюргеръ“ безразлично какъ буржуа, такъ и пролетарія, слѣдовательно, просто

1). Слово „*Bürger*“ означало прежде всякаго гражданина городской общины. Въ настоящее время прилагательное отъ него чаще всего употребляется для обозначенія понятія „буржуазный“.

человѣка, онъ фактически отождествляетъ человѣка просто съ буржуа, а человѣческое общество съ буржуазнымъ.

Если кто-либо въ началѣ полемики съ Бернштейномъ еще питалъ надежду убѣдить его аргументами изъ научнаго арсенала социаль-демократіи и снова вернуть его къ движенію, тотъ долженъ навсегда оставить эту надежду, такъ какъ одни и тѣ же слова перестали теперь обозначать для обѣихъ сторонъ одни и тѣ же понятія, а одни и тѣ же понятія перестали выражать одни и тѣ же социальные факты. Споръ съ Бернштейномъ превратился въ противопоставленіе двухъ міросозерцаній, двухъ классовъ, двухъ общественныхъ формъ. Бернштейнъ и социаль-демократія стоятъ въ настоящее время на двухъ различныхъ основаніяхъ.

5. Оппортунизмъ въ теоріи и практикѣ.

Книга Бернштейна имѣетъ крупное историческое значеніе для всего германскаго и международнаго рабочаго движенія: это была первая попытка дать теоретическое обоснованіе оппортунистическимъ теченіямъ партіи.

Оппортунистическія теченія имѣютъ мѣсто въ нашемъ движеніи, если принять во вниманіе ихъ спорадическія проявленія, довольно давно. Но, въ качествѣ ясно выраженаго цѣльнаго теченія, оппортунизмъ появляется только въ началѣ 90-хъ годовъ, со времени паденія закона о социалистахъ и завоеванія вновь легальныхъ способовъ борьбы. Государственный социализмъ Фольмара, голосованіе бюджета баварскими товарищами, южно-германскій аграрный социализмъ предложеніе о компенсаціи, сдѣланное Гейне, и, наконецъ, взгляды Шиппеля на пошлины и милицію—таковы вѣхи въ развитіи оппортунистической практики.

Что отличаетъ ихъ прежде всего съ внѣшней стороны? Враждебность къ „теоріи“. И это вполнѣ понятно, такъ какъ наша теорія, т. е. принципы научнаго социализма ставятъ точныя границы

практической дѣятельности какъ въ отношеніи преслѣдуемой цѣли, такъ и въ отношеніи примѣняемыхъ средствъ борьбы и, наконецъ, самаго способа борьбы. Отсюда, у тѣхъ, кто гонится только за практическими результатами, наблюдается естественное стремленіе развязать себѣ руки, т. е. отдѣлить нашу практику отъ теоріи, сдѣлать первую вполне независимой отъ послѣдней.

Но эта же самая теорія побиваетъ ихъ при каждой попыткѣ практической работы: государственный социализмъ, аграрный социализмъ, политика компенсацій, вопросъ о милиціи, все это—въ то же время и пораженія оппортунизма. Ясно, что если это теченіе хотѣло удержаться въ борьбѣ съ нашими принципами, то оно должно было рѣшиться подойти вплотную къ самой теоріи, къ самымъ принципамъ; вмѣсто того, чтобы игнорировать ее, оно должно было постараться расшатать ее и создать свою собственную теорію.

Такого рода попыткой и была теорія Бернштейна; поэтому на штутгартскомъ партейтагѣ всѣ оппортунистическіе элементы тотчасъ же собрались вокругъ его знамени. Если, съ одной стороны, оппортунистическія теченія въ практикѣ представляются явленіемъ вполне естественнымъ и объяснимымъ условіями нашей борьбы и ея ростомъ, то, съ другой стороны, теорія Бернштейна есть не менѣе понятная попытка дать этимъ теченіямъ общее теоретическое выраженіе, отыскать для нихъ собственныя теоретическія предпосылки и покончить счеты съ научнымъ социализмомъ. Поэтому теорія Бернштейна съ самаго начала явилась для оппортунизма теоретическимъ испытаніемъ, первымъ научнымъ признаніемъ его существованія.

Но каковы результаты этого испытанія, мы уже видѣли. Оппортунизмъ не въ состояніи создать положительную теорію, способную какъ нибудь устоять противъ критики. Все, на что онъ способенъ, это—начавъ съ опроверженія отдѣльныхъ основъ марксва ученія, потомъ перейти къ разрушенію всей системы сверху до основанія, такъ какъ это ученіе представляетъ изъ себя прочно

сложенное зданіе. Это доказываетъ, что оппортунистическая практика по существу своему въ своей основѣ не совмѣстима съ системой Маркса.

Но это доказываетъ, далѣе, и то, что оппортунизмъ не совмѣстимъ съ социализмомъ вообще, что по своей внутренней тенденціи онъ стремится толкнуть рабочее движеніе на буржуазный путь, т. е. совершенно парализовать пролетарскую классовую борьбу. Понятно, исторически нельзя отождествлять пролетарскую классовую борьбу и систему Маркса. До Маркса, и совершенно независимо отъ него, существовало рабочее движеніе и различныя социалистическія системы, изъ которыхъ каждая въ своемъ родѣ являлась вполне соотвѣтствующей условіямъ своего времени, теоретическимъ выраженіемъ освободительныхъ стремленій рабочаго класса. Обоснованіе социализма моральными понятіями о справедливости, борьба противъ способа распредѣленія вмѣсто борьбы противъ способа производства, пониманіе классовыхъ противорѣчій, какъ противорѣчій между бѣднымъ и богатымъ, стремленіе испытать принципъ „товарищества“ въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства—все это, съ чѣмъ мы встрѣчаемся въ теоріи Бернштейна, уже имѣло мѣсто въ исторіи. И всѣ эти теоріи въ *свое время*, при всей ихъ недостаточности, были дѣйствительными теоріями пролетарской классовой борьбы; это были тѣ гигантскіе дѣтскіе сапоги, въ которыхъ пролетаріатъ научился шагать по исторической сценѣ.

Но послѣ того какъ развитіе самой классовой борьбы и ея общественныхъ условій привело къ паденію этихъ теорій и къ формулированію принциповъ научнаго социализма, послѣ этого не можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ Германіи, другого социализма, кромѣ социализма Маркса, не можетъ быть социалистической классовой борьбы внѣ социаль-демократіи. Теперь уже социализмъ и марксизмъ, пролетарская освободительная борьба и социаль-демократія тождественныя понятія. Поэтому возвращеніе къ прежнимъ,

существовавшим до Маркса, теоріямъ социализма означаетъ въ настоящее время не возвратъ къ гигантскимъ дѣтскимъ сапогамъ пролетаріата; нѣтъ, это значитъ опять влѣзть въ карликовыя истопганныя туфли буржуазіи.

Теорія Бернштейна была *первой*, но, въ то же время, и *последней* попыткой дать оппортунизму теоретическое обоснованіе. Мы говоримъ последней потому, что въ системѣ Бернштейна оппортунизмъ зашелъ такъ далеко, и съ отрицательной стороны, въ смыслѣ отреченія отъ научнаго социализма, и съ положительной стороны, въ смыслѣ беспорядочнаго соединенія всевозможнаго теоретическаго сумбура,—что дальше идти некуда. Въ книгѣ Бернштейна оппортунизмъ завершилъ свое развитіе въ теоріи, а въ позиціи Шиппеля въ вопросѣ о милитаризмѣ онъ сдѣлалъ это на практикѣ и дошелъ до своихъ конечныхъ выводовъ.

И теорія Маркса не только въ состояніи теоретически опровергнуть оппортунизмъ, но она, и только она, можетъ *объяснить* его какъ историческое явленіе въ процессѣ образованія партіи. Всемирно-историческое движеніе пролетаріата впередъ къ побѣдѣ, дѣйствительно, „не такая простая вещь“. Вся особенность этого движенія заключается въ томъ, что здѣсь въ первый разъ въ исторіи народныя массы сами и *противъ* всѣхъ господствующихъ классовъ отстаиваютъ свои стремленія, но должны эти стремленія перенести по ту сторону современнаго общества, за его предѣлы. Но эти стремленія народная масса опять—таки можетъ выработать въ себѣ только въ постоянной борьбѣ съ существующимъ строемъ, только въ рамкахъ этого же строя. Соединеніе широкихъ народныхъ массъ съ выходящей за предѣлы всего существующаго строя цѣлью, соединеніе повседневной борьбы съ великой міровой реформой—такова великая проблема социаль-демократическаго движенія, которое на всемъ пути своего развитія должно, поэтому, пробиваться впередъ между двумя подводными камнями: между отрица-

ніемъ массоваго характера и отрицаніемъ конечной цѣли движенія, между возвращеніемъ къ положенію секты и превращеніемъ въ буржуазное реформаторское движеніе, между анархизмомъ и оппортунизмомъ.

Правда, еще полстолѣтія тому назадъ теорія Маркса выковала въ своемъ теоретическомъ арсеналѣ смертоносное оружіе противъ обѣихъ этихъ крайностей. Но такъ какъ наше движеніе является именно массовымъ движеніемъ, и такъ какъ опасности, угрожающія ему, создаются не воображеніемъ, а общественными условіями, то теорія Маркса не могла съ самаго начала разъ навсегда предупредить всѣ анархистскія и оппортунистическія отклоненія въ сторону. Они должны быть побѣждены самимъ движеніемъ, конечно, съ помощью доставленнаго Марксомъ оружія, уже послѣ того, какъ они осуществились на практикѣ. Меньшую опасность—анархистскую корь, социаль-демократія уже поборола, справившись съ „движеніемъ независимыхъ“; съ большей опасностью—оппортунистической водянкой, она борется въ настоящее время.

При громадномъ ростѣ шири, характеризующемъ движеніе последнихъ лѣтъ, при сложности условій, въ которыхъ, и задачъ, за которыя приходится бороться, долженъ былъ наступить моментъ, когда въ движеніи начали проявляться скептицизмъ относительно достиженія великой конечной цѣли и колебаніе по отношенію къ идейному элементу движенія. Такъ, а не иначе должно совершаться великое пролетарское движеніе, и всѣ эти моменты колебаній и унынія не являются неожиданностью для ученія Маркса; наоборотъ, Марксъ давно предвидѣлъ и предсказалъ ихъ. „Буржуазныя революціи“, писалъ Марксъ полъ столѣтія тому назадъ¹⁾, какъ на примѣръ, революціи 18-го столѣтія, быстрѣе стремятся отъ успѣха къ успѣху; ихъ драматическіе эффекты превосходятъ одинъ другой, люди и

1) „18 Брюмера Луи Бонапарта“. Русск. перев. под ред. Базарова и Степанова. Изд. Скимунта, стр. 147—8. *Ред.*

вещи кажутся озаренными бенгальским огнем, экстазом охватень каждый день; но они не долговѣчны, скоро они достигаютъ своего апогея и продолжительная апатія похмѣлья охватываетъ общество, прежде чѣмъ оно приучится трезво использовать результаты періода бури и натиска. Напротивъ, пролетарскія революціи, каковы революціи 19-го столѣтія, постоянно сами себя критикуютъ, то и дѣло прерываютъ свой ходъ, возвращаются къ тому, что, повидимому, уже сдѣлано, съ тѣмъ, чтобы начать сызнова жестоко высмѣивать половинчатость, слабость и ничтожность своихъ первыхъ попытокъ; они низвергаютъ своего противника какъ будто бы только для того, чтобы онъ, прикоснувшись къ землѣ, набрался новыхъ силъ и снова выступилъ противъ нихъ еще болѣе могучимъ; постоянно снова пугаются колоссальности своихъ собственныхъ цѣлей, пока не создается такое положеніе, которое дѣлаетъ невозможнымъ всякое отступленіе, пока обстоятельства сами не заявятъ.

„Hic Rhodus, hic salta!“ (Здѣсь Родось, здѣсь прыгай!).

Это осталось закономъ и послѣ того, какъ создалась теорія научнаго социализма. Благодаря ей пролетарское движеніе не сдѣлалось еще сразу социаль-демократическимъ, ни въ Германіи, ни въ другомъ мѣстѣ; оно становится социаль-демократическимъ съ каждымъ днемъ; оно становится таковымъ въ теченіе борьбы и благодаря безпрестанной борьбѣ съ рѣзкими скачками въ сторону анархизма и оппортунизма, которые представляютъ изъ себя только моменты движенія социаль-демократіи, разсматриваемой какъ процессъ.

Въ виду всего этого неожиданнымъ является не появленіе оппортунистическаго теченія, а скорѣе его безсиліе. До тѣхъ поръ, пока оппортунизмъ прорывался только въ отдѣльныхъ случаяхъ партійной практики, можно было еще предполагать, что онъ имѣетъ подъ собой какую-нибудь серьезную теоретическую основу. Но теперь, когда это теченіе получило вполне ясное выраженіе въ книгѣ Бернштейна, у всякаго поневолѣ вырывается удивленный

вопросъ: какъ! и это все, что вы имѣете сказать? Ни одного намека на новую мысль! Ни одной такой мысли, которая уже десятки лѣтъ тому назадъ не была бы опровергнута, растоптана, высмѣяна и уничтожена марксизмомъ!

Достаточно было оппортунизму заговорить, чтобы показать, что ему нечего сказать. Въ этомъ собственно и заключается партійно-историческое значеніе книги Бернштейна.

Разставаясь съ способомъ мышленія революціоннаго пролетаріата, съ діалектикой и матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, Бернштейнъ можетъ отблагодарить ихъ за то, что они нашли для его превращенія смягчающія вину обстоятельства. Вѣдь только діалектика и матеріалистическое пониманіе исторіи въ своемъ великодушіи оправдываютъ его появленіе, какъ спеціальнаго, но' безсознательнаго орудія, при помощи котораго поднимающійся пролетаріатъ проявляетъ свою временную нерѣшительность, чтобы потомъ, хорошенько разсмотрѣвъ его, съ язвительнымъ смѣхомъ отбросить далеко отъ себя.

Мы сказали, что движеніе становится социаль-демократическимъ во время и благодаря побѣдѣ надъ скачками въ сторону анархизма и оппортунизма, вытекающими по необходимости изъ самого роста движенія. Но преодолѣвать не значитъ спокойно предоставить все на волю Божію. *Преодолѣть современное оппортунистическое теченіе значитъ отбросить его отъ себя.*

Въ заключеніе своей книги Бернштейнъ обращается къ партіи съ совѣтомъ осмѣлиться показать себя въ настоящемъ своемъ видѣ— демократически социалистической партіи реформъ. Партія, т. е. ея высшій органъ, партейтагъ, по нашему мнѣнію, долженъ отвѣтить Бернштейну тѣмъ же, предложивъ ему, въ свою очередь, формально заявить себя тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ— мелко-буржуазнымъ демократическимъ прогрессистомъ.

Оглавление.

Предисловіе	Стр. 3
-----------------------	-----------

Часть первая.

1. Бернштейновскій методъ	7
2. Приспособленіе капитализма	12
3. Введеніе социализма путемъ социальныхъ реформъ	24
4. Таможенная политика и милитаризмъ	33
5. Практические выводы и общій характеръ теоріи	40

Часть вторая.

1. Экономическое развитіе и социализмъ	49
2. Экономическая и политическая демократія	59
3. Завоеваніе политической власти	72
4. Крушеніе	84
5. Оппортунизмъ въ теоріи и практикѣ	89

34.84.42832

Книгоиздательство „Правда“

Кіевъ, Меринговская, 10.

Поступили въ продажу:

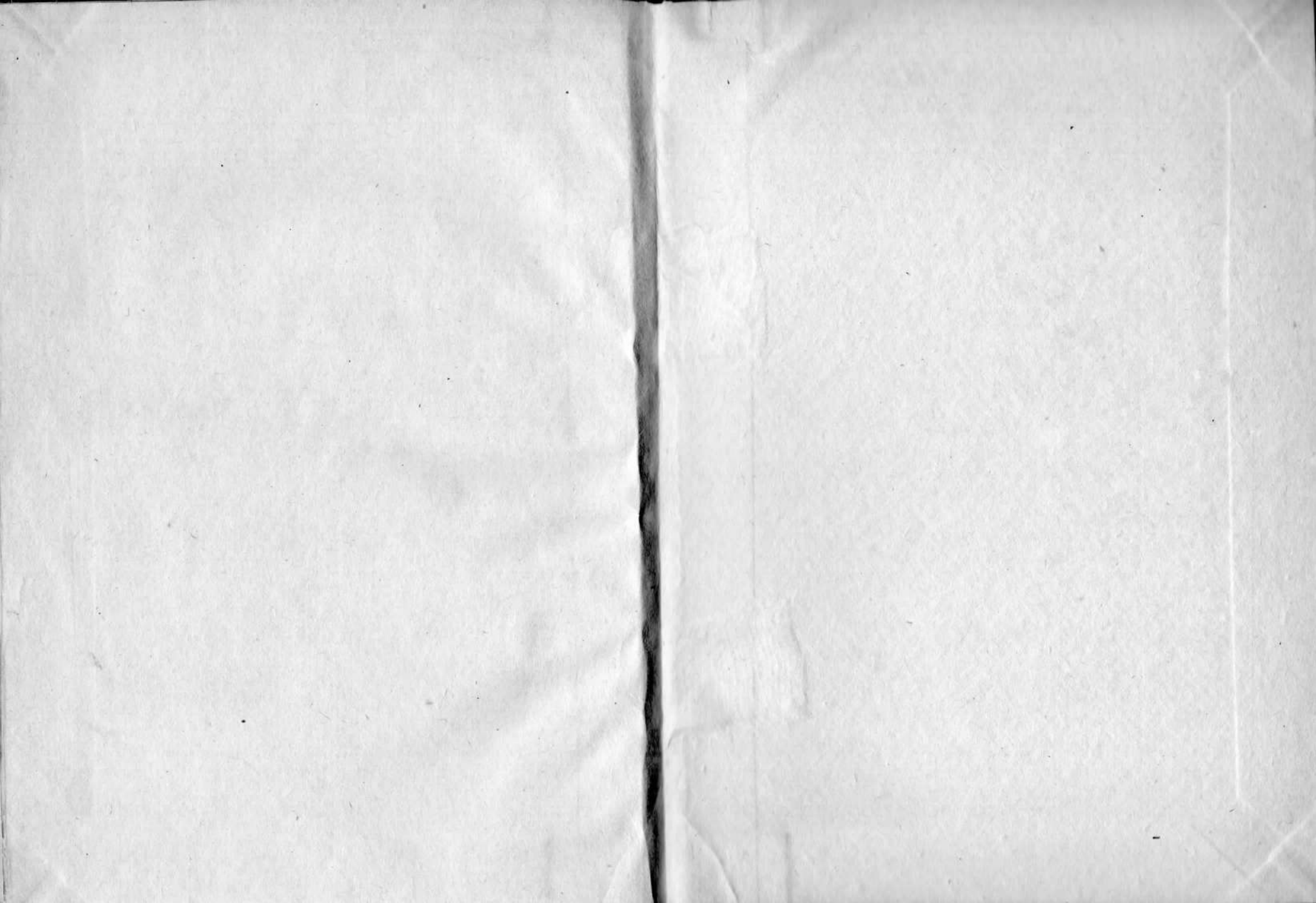
1. Каутскій.—Аграрный вопросъ въ Россіи. Ц. 6 к.
2. Дицгенъ.—Будущее социаль-демократіи, съ биографіей автора. Ц. 7 к.
3. Фольмаръ.—Соціальная политика во Франціи и Германіи. Ц. 8 к.
4. Девильль.—Очерки научнаго социализма. Ц. 7 к.
5. Либкнехтъ.—Социаль-демократія, парламентаризмъ и политика. Ц. 8 к.
6. Его-же.—Избирательные „блоки“ (О коалиціи социаль-демократіи съ буржуазными партіями) изд. 2-е. Ц. 15 к.
7. Жоресъ.—Причины революціи. Ц. 45 в.
8. Его-же.—Къ теоріи и практикѣ социализма. О частной собственности и аграрномъ вопросѣ. Ц. 20 к.
9. Его-же.—Интернаціонализмъ и патриотизмъ. Ц. 12 к.
10. Винторъ Адлеръ.—Всеобщее, равное и прямое избирательное право и избирательное безправіе въ Австріи, съ предисловіемъ Пономарева. Ц. 18 к.
11. Луи Бланъ.—Іюльскіе дни 1830 г. (Изъ исторіи 10-ти лѣтъ). Ц. 40 к.
12. Вальянь.—Рабочее законодательство и гигиена. Ц. 10 к.
13. Кампфмейеръ.—Юнкеръ и крестьянинъ. Очеркъ аграрн. отношеній. Ц. 8 к.
14. Ламартинъ.—Бѣгство короля (изъ исторіи „Жиронды“). Ц. 12 к.
15. Энгельсъ.—Соціальныя отношенія въ Россіи. Полный переводъ съ послѣсловіемъ и письмомъ К. Маркса. Ц. 10 к.
16. Каутскій.—Революціонныя перспективы. Ц. 20 к.
17. М. Беме.—Дневникъ падшей, съ отзывомъ Кампфмейера. Ц. 75 к.
18. Кошстедтъ.—Аграрный вопросъ и социаль-демократіи, (отъ К. Маркса до Бреславскаго партейтага), съ предисловіемъ К. Каутскаго. Ц. 60 в.
19. 1. Паннекоенъ.—Религія и социализмъ. П. Штампферъ.—Религія—дѣло совѣсти каждаго (обоснованіе 6-го пункта Эрфуртской программы). Ц. 25 к.
20. Роза Люксембургъ.—Реформа или Революція? Ц. 30 к.
21. Михельсъ.—Что такое патриотизмъ? Ц. 10 к.
22. Эффнеръ.—Деревня и социаль-демократія. Ц. 10 к.
23. Дицгенъ.—Теорія познанія въ свѣтѣ марксизма. Ц. 50 к.

Контора и главный складъ книгоиздательства

Кіевъ, Меринговская, № 10.

Отдѣленія и склады.

- Кіевъ.—Книжный магазинъ С. И. Иванова, Фундуклеевская, 2.
- Петербургъ 1) Главный представитель. Книжный складъ „Земля“ Владимірскій проспектъ, 7.
- „ 2) Въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, Невскій, 60.
- Москва.—1) Книжн. маг. „Живое Слово“, Столовый пер., д. Денормана.
- „ 2) Книжномъ магазинѣ „Трудъ“, Тверская, 38.
- Харьковъ.—Въ кн. маг. „Работникъ Печати“ Петровскій 19.
- Екатеринодаръ.—Куб. обл. Книжный магазинъ „Работникъ“

ГПБ Русский фонд

34.84.4.283_a